

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Вып. 2

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
VI НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ИНСТИТУТА,
ПРОЧИТАННЫХ НА СЕКЦИОННЫХ ЗАСЕДАНИЯХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
КИЕВ — 1953

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии наук Украинской ССР*

Редакционная коллегия:

Действ. член АН УССР *П. П. Ефименко* (ответственный редактор),
член-корр. АН УССР *Л. М. Славин*, доктор истор. наук *М. Я. Рудинский*.

Редактор издательства *И. А. Сергеева*

Техредактор *Е. К. Сиваченко*

Корректор *Л. Х. Почекина*

БФ 01311. Зак. № 2407. Тираж 1000. Формат бумаги 70×108. Печ. листов 7,5. Учетно-издат. листов 5,9. Бум. листов 2,75. Подписано к печати 26.II 1953 г.
Цена 4 руб. 25 коп.

Типография Издательства АН УССР, Киев, Чудновского, 2.

VI НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК УССР

И. Г. ШОВКОПЛЯС

3—7 июня 1952 г. в Киеве состоялась VI научная конференция Института археологии Академии наук Украинской ССР, посвященная второй годовщине со дня выхода в свет гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания» и итогам археологических исследований на Украине за последние годы.

На пленарных и секционных заседаниях было заслушано 50 докладов и сообщений, посвященных разработке важнейших проблем древней истории Юга СССР в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкоznания и исследованию отдельных археологических памятников.

Конференцию открыл вступительным словом директор Института археологии действительный член АН УССР П. П. Ефименко. Он отметил огромное значение гениального труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоznания» для советской археологии, где долгое время были распространены вульгаризаторские, псевдомарксистские «теории» Н. Я. Марра. Труд И. В. Сталина указал советским археологам пути искоренения допущенных ими ошибок марровского толка и вывел советскую археологическую науку на широкую дорогу конкретно-исторических исследований на основе марксистско-ленинской методологии.

Затем П. П. Ефименко выступил с докладом «Итоги работы и задачи Института археологии АН УССР в свете труда И. В. Сталина по вопросам языкоznания». Указав на выдающееся значение исторического труда И. В. Сталина по вопросам языкоznания для творческого развития всей советской науки, в том числе и археологии, П. П. Ефименко подробно остановился на характеристике того вреда, который нанесли археологической науке Марр и марристы своими антинаучными «теориями» вроде пресловутой стадиальности и пр.

Докладчик остановился на собственных ошибках, заключавшихся в завышении заслуг Марра в успехах советской археологической науки, и ошибках марровского толка, допускавшихся в работах Института археологии.

Главной задачей археологов Украинской ССР, как и всех археологов нашей страны, сказал докладчик, является полное очищение археологической науки от влияния «теорий» Марра и конкретное изучение исторического пути сложения родов, племен и народностей, исходя из гениальных указаний И. В. Сталина о развитии языков.

Вторая часть доклада П. П. Ефименко была посвящена изложению результатов археологических исследований на территории Украинской ССР за послевоенные годы. В докладе были также намечены ближайшие задачи в деле изучения археологических памятников на территории Украинской ССР.

Доктор исторических наук П. Н. Третьяков (Институт славяноведения АН СССР) выступил с докладом «Вопросы происхождения славян в свете трудов И. В. Сталина о языке и языкоизнании», в котором отметил, что труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоизнания» является новым крупнейшим вкладом в теорию марксизма-ленинизма, имеющим исключительно важное значение для решения этногенетических вопросов, в том числе и для решения вопроса о происхождении восточного славянства. Рассматривая все сделанное в советской исторической науке по этой проблеме, докладчик разоблачил антинаучный характер этногенетических построений марровцев, основанных на изобретенной ими стадиальности. Одновременно П. Н. Третьяков указал, что советская наука имеет также ряд крупных достижений в изучении конкретных вопросов древней истории восточных славян и их материальной культуры. Эти достижения должны быть учтены и использованы в дальнейшей работе.

В свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкоизнания, сказал далее докладчик, становится очевидным, что славяне и их языки представляют собой результат длительного процесса развития, происходившего в течение тысячелетий, начиная с эпохи бронзы. Далее П. Н. Третьяков подробно остановился на своей гипотезе происхождения славянского массива вообще и восточных славян в частности, указав при этом, что эти его соображения в процессе дальнейших исследований, естественно, подвергнутся конкретизации, уточнению и исправлению. В заключение он подчеркнул необходимость совместной работы археологов, историков и этнографов с языковедами, занимающимися вопросами происхождения и истории языков.

С докладом «К вопросу о происхождении древнерусской народности» выступил кандидат исторических наук В. И. Довженок (Институт археологии АН УССР). Исходя из указаний И. В. Сталина о развитии языков от «языков родовых к языкам племенных, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным»¹, докладчик считает, что таким путем происходило и этническое развитие. Народность возникает после племени и предшествует нации. Если племя является этнической общностью людей, существовавшей при первобытно-общинном строе, а нация — исторической категорией, характерной для эпохи капитализма, то народность необходимо считать общностью людей, характерной для рабовладельческого и феодального общества.

Процесс разложения первобытно-общинного строя и формирования классового общества, по мнению докладчика, является одновременно и процессом формирования народности.

В процессе формирования древнерусской народности В. И. Довженок различает три последовательных этапа: антский, племен времени «Повести временных лет» и эпохи Киевской Руси.

В середине I тысячелетия н. э. у антов (ранних славян) уже существовала начальная общность языка, культуры и территории, но анты не представляли еще народности, ибо пребывали еще на ступени союза племен и объединяли лишь южную часть восточных славян. Северные племена жили в это время отдельно от южных. Консолидация племен, входивших в антский союз, в народность была еще слабой и по сути только начиналась.

После распада антского союза (во второй половине I тысячелетия н. э.) северные племена по уровню своего общественного развития сравниваются с южными и на всей восточнославянской территории устанавливаются одинаковые условия для этнического развития.

У восточных славян на всей их территории возникает ряд племенных союзов, известных нам под названием племен времени «Повести временных лет». Сближаясь между собою, эти племенные союзы теряли следы

¹ И. Стalin, Марксизм и вопросы языкоизнания, Изд-во «Правда», 1950, стр. 9.

языкового и этнического отличия и со временем, к концу I тысячелетия н. э., образовали довольно крупные объединения, известные по арабским источникам как три древних центра Руси — Куявия, Славия и Артания. Объединение их в одно целое означает, по мнению докладчика, начало существования единой древнерусской народности, процесс полной консолидации которой происходил уже в эпоху Киевской Руси. Сознание единства древнерусского народа и чувство патриотизма, которые все более усиливались на протяжении всей истории древней Руси, отображают этот реальный процесс консолидации древнерусской народности.

Феодальная раздробленность Киевской Руси, по мнению В. И. Довженка, не остановила и не задержала этого процесса.

Создание таких литературных произведений, как «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» и др., зарождение общего орнаментального стиля в искусстве наглядно показывают поступательный характер процесса этнической консолидации древнерусской народности в эпоху феодальной раздробленности.

Освещению истории ранних славян на территории УССР были посвящены доклады М. Ю. Брайчевского (Институт археологии АН УССР) «Основные вопросы археологического изучения антов» и кандидата исторических наук М. Ю. Смишко (Львов, Институт общественных наук) «Исследования раннеславянской культуры в западных областях УССР».

М. Ю. Брайчевский считает, что антская проблема, одна из важнейших в советской исторической науке, одновременно является и проблемой культуры полей погребений черняховского типа, изучению которой уделяют очень большое внимание многие советские археологи. Основываясь на анализе материала из многочисленных поселений и могильников этой культуры, открытых и изученных на территории Украины за годы Советской власти, докладчик выдвигает новую датировку, относя их к периоду от конца II до начала VII в. н. э., определяя его как антский.

Дальше докладчик остановился на освещении экономической жизни антов (пашенное земледелие, высокоразвитое ремесло, отделившееся от земледелия, развитая торговля с денежным обращением и пр.) и их политического строя, который определяется им как союз племен, внутри которого происходил процесс образования классов. Позже, на основе развития антского общества и ряда других славянских племен Восточной Европы возникает древнерусское государство — Киевская Русь, историческая колыбель трех братских восточнославянских народов — русского, украинского и белорусского.

М. Ю. Брайчевский остановился также на вопросах об антской территории, о связи и взаимоотношениях антов с другими славянскими племенами, подчеркнув необходимость дальнейшего изучения памятников культуры полей погребений черняховского типа и непосредственно следующих за ними (VII—IX вв. н. э.). Эти памятники дают возможность оценить взаимоотношения антов и Киевской Руси и многие другие стороны их истории, хозяйства, быта и культуры.

М. Ю. Смишко в своем докладе указал, что советская археологическая наука, обогащенная произведениями классиков марксизма-ленинизма, в особенности гениальным трудом И. В. Сталина по вопросам языкоznания, уже достигла значительных успехов в деле изучения раннеславянской истории и культуры.

За последние годы проведены широкие экспедиционные исследования раннеславянских памятников (памятники культуры полей погребения) и на территории западных областей УССР, изучение которых до установления Советской власти пребывало в плена неправильных методологических установок и антинаучных концепций буржуазной историографии.

Эти исследования дают возможность по-новому разработать ряд вопросов о территориально-племенных разновидностях раннеславянской

культуры в западных областях УССР, их генетические связи с более ранними и более поздними культурами, хронологически определить раннеславянскую культуру полей погребений, а также установить взаимосвязи ранних славян с соседними племенами и т. д. Опираясь на особенности в материальной культуре, жилищном строительстве, погребальном ритуале и др., докладчик определяет три территориальные группы раннеславянских памятников в западных областях УССР — Верхнеднестровскую, Подкарпатскую и Волынскую, которые соответствуют, по его мнению, племенам тиверцев, хорватов и дuleбов племенной карты «Повести временных лет». Исследователями устанавливаются также генетические связи раннеславянского населения Поднестровья и Прикарпатья с более ранними местными культурами железного века, с одной стороны, и с культурой Киевской Руси — с другой.

Кандидат исторических наук В. А. Богусевич (Институт археологии АН УССР) сделал доклад «Итоги и задачи археологического изучения древнерусских городов на территории Украинской ССР».

Перед советской археологической наукой стоят важные и ответственные задачи в деле освещения вопросов происхождения, характера и истории древнерусских городов на территории Украины. Изучение их показывает, сказал докладчик, что все известные древнерусские города эпохи Киевской Руси следуют разделить на две основные группы: 1) на города в полном понимании этого слова, как большие административные и торгово-ремесленные центры, и 2) небольшие феодальные замки, которые часто не имели юколько-нибудь развитого ремесла и торговли.

Города, как правило, занимали значительную площадь; там помещались дворцы светских и духовных феодалов, ремесленно-торговые посады и подолы, площасти, торговые ряды, церкви, монастыри и др. Население городов по своему социальному состоянию было весьма разнообразным — ремесленники, торговцы, дружинники, бояре, князья, духовенство и т. д.

Замки представляли собой небольшие крепости, расположенные часто не только на границах русской земли и отдельных княжеств, но и внутри древнерусских территорий, что свидетельствует об их назначении не только защищать русские земли, но и держать в повиновении местное сельское население. По своим размерам замки редко занимают площадь более одного гектара. В таких крепостях жило небольшое количество людей, главным образом дружинников и зависимых от них холопов и ремесленников, которые обслуживали потребности господствующей верхушки.

Касаясь вопросов происхождения древнерусских городов Поднепровья, докладчик указывает, что значительное их большинство (Киев, Чернигов, Коростень, Любеч, Городок и др.) образовалось путем соединения более ранних поселений и городищ, находившихся на их территории.

Вопрос о происхождении феодальных замков (типа Райков, Колодяжина, Княжей Горы и др.) еще окончательно не решен, но известно, что большинство из них уже существовало в IX—X вв., о чем свидетельствуют расположенные рядом с ними курганные могильники с погребениями дружинников. Возникновение городов и замков В. А. Богусевич связывает с развитием феодализма у восточных славян.

Значительная часть доклада В. А. Богусевича была посвящена характеристике результатов археологических исследований ряда древнерусских городов и замков на территории УССР, в частности Киева, Чернигова, Переяслава, Вышгорода, Белгорода, Городска, Любеча, Галича, Плесниска, Райков, Колодяжина, Княжей Горы, Сахновки, Конончи и др.

С докладом «Основные итоги и проблемы археологического изучения древнего Киева» выступил профессор М. К. Каргер (Ленинград, Институт истории материальной культуры АН СССР), который отметил, что, хотя археологические исследования древнего Киева начались еще в на-

чале прошлого века, широкий размах они приобрели лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

В результате проведенных работ на территории так называемого «города Владимира» выяснилось, что она не является древнейшим ядром Киева. В границах Киева еще ранее существовало более древнее городище, окруженное рвом и валом, за пределами которого находился большой языческий курганный могильник IX—X вв. Инвентарь погребений этого древнего киевского некрополя позволяет воспроизвести яркую картину жизни города IX—X вв. Среди этих погребений особый интерес представляют богатые погребальные комплексы, принадлежавшие дружинной знати Киева. Изучение инвентаря и погребальных обрядов некрополя IX—X вв. позволило окончательно опровергнуть порочные концепции норманистов в истории древнерусских городов.

Археологическими исследованиями установлено существование на территории Киева отдельных поселений VIII—X вв. (городище и некрополь на Андреевской горе, городище на горе Кисилевке и др.). Легенда о трех братьях — основателях города, зафиксированная в древнейшей киевской летописи, по мнению докладчика, была отзвуком реального факта существования нескольких таких самостоятельных поселений, объединившихся в один город лишь в конце IX в.

Наиболее яркий материал, добытый раскопками относится к летописному периоду истории Киева (XI—XIII вв.). Открытие многочисленных остатков жилых строений, ремесленных мастерских, руин каменных храмов X—XIII вв. и юняжеских дворцов, сопровождавшихся огромным количеством разнообразного инвентаря, позволяет восстановить историю города XI—XIII вв. Эти материалы свидетельствуют, прежде всего, об очень высоком уровне развития ремесла. Продукция киевских ремесленников не только обеспечивала потребности различных социальных слоев населения большого города, каким был Киев в XI—XIII вв., но и распространялась далеко за его пределами. Найдены на территории Киева разнообразных изделий кавказского, иранского, хорезмского, китайского, херсонесского, византийского и западноевропейского происхождения указывают на широкие международные торговые связи древнего Киева.

Одним из важнейших достижений советских археологов, по мнению докладчика, является изучение массовых жилищ киевского населения. Несколько десятков жилищных сооружений, уже раскрытых за последние десятилетия, позволяют детально изучить их конструкцию, воспроизвести их внешний и внутренний вид, проследить их происхождение и т. д.

Все эти памятники древнего Киева, открытые и исследованные советскими археологами, имеют важное значение для освещения его древней истории, а также для решения ряда основных проблем истории и культуры всей Киевской Руси.

В докладе «Основные культуры скифского времени в Причерноморье и лесостепной зоне» доктор исторических наук профессор Б. Н. Граков (Москва, ИИМК АН СССР) остановился на основных вопросах современной скифологии. Он указал, что еще с середины I тысячелетия до н. э. в сочинении Геродота и других античных авторов появилась тенденция называть скифами не только собственно скифов, но и племена, близкие к ним территориально, по обычаям, оружию и своеобразному звериному стилю в искусстве. Это, вместе с недостаточным изучением поселений и археологических материалов, привело к тому, подчеркнул Б. Н. Граков, что в дореволюционной науке объединяли в одно культурное и этническое целое все памятники и племена скифского времени, как степной, так и лесостепной зон Причерноморья. Особенно отчетливое выражение эта тенденция нашла в трудах реакционного буржуазного историка Ростовцева, который придавал исключительное и явно преувеличенное значение роли иранских по языку племен в образовании культуры скифского вре-

мени на огромных пространствах Юга Европейской части СССР, всячески принижая и игнорируя при этом роль местных элементов, в частности земледельческо-скотоводческих оседых племен лесостепной зоны.

Бредное влияние «теории» Н. Я. Марра, отметил далее докладчик, тормозило развитие советской скифологии: введение абстрактной и расплывчатой скифской стадии подменяло конкретно-историческое изучение памятников и истории населения скифского времени. Да же археологи, не следовавшие за Н. Я. Марром, все же не разграничивали языковое родство и этническое единство, с одной стороны, и археологическую культуру — с другой, понимая под скифами все археологически близкое (главным образом, по металлу и по произведениям искусства) население степных и лесостепных районов Причерноморья.

Гениальный труд И. В. Сталина по вопросам языкоznания расчистил путь успешному развитию советской археологии, в том числе и изучению истории населения и памятников скифского времени. В свете этого труда и новых данных археологии и языкоznания становится ясной картина расселения и этническая принадлежность племен скифского времени в степной и лесостепной зонах Восточной Европы. Теперь можно рассматривать скифов степной части Северного Причерноморья как союз родственных племен во главе с кочевым племенем так называемых «царских скифов». В этническое единство их объединял язык, принадлежавший к так называемой североиранской группе языков. За пределами распространения этих собственно скифских племен в лесостепной зоне жили нескифские племена, говорившие на своих языках, совершенно отличных от скифского. Часть нескифских племен лесостепной зоны уже в середине I тысячелетия н. э. была, несомненно, славянской.

В конце доклада Б. Н. Граков детально остановился на характеристике разнообразных групп памятников материальной культуры скифского времени на территории Юга СССР.

С большим, в ряде мест дискуссионным, докладом «Этнический состав населения Скифии» выступил доктор исторических наук М. И. Артамонов (Ленинград, Государственный Эрмитаж). Указав на вредность вульгаризаторских «теорий» Н. Я. Марра в деле освещения этногенетических проблем, М. И. Артамонов остановился на важности для советской науки гениального труда И. В. Сталина по вопросам языкоznания. М. И. Артамонов признал и свои ошибки марровского толка, допущенные им ранее в трудах по вопросам происхождения скифов и славян.

Как и ряд других советских скифоведов, докладчик считает, что в состав племен так называемой Скифии входили этнически разные племена; это подтверждают и археологические материалы. Среди этих племен, особенно в лесостепной зоне, были и племена (например, будины), которые, по его мнению, следует рассматривать как предков восточных славян.

На основе анализа археологических памятников эпохи бронзы и скифского времени на территории УССР, Балкан и ряда других районов, а также на основании лингвистических данных Е. И. Артамонов, в отличие от других скифоведов, приходит к выводу, что собственно скифские племена в основной своей массе были местным населением Северного Причерноморья и принадлежали к фракийской лингвистической семье, будучи ее северной частью.

Племенами, принадлежавшими к иранской лингвистической семье, докладчик считает лишь небольшую группу кочевых «царских скифов», которая пришла в Причерноморье еще в эпоху поздней бронзы, смешалась с основным фракийским населением и ничем собственно, даже языком, во время Геродота от него не отличалась.

Нескифские племена лесостепной зоны (например, будины и др.), по мысли М. И. Артамонова, политически не зависели от южных кочевых скифов и не входили с ними ни в какое объединение.

Касаясь вопросов происхождения славян и роли в этом процессе скифских племен, докладчик указал, что прямого и непосредственного перехода скифов в славян, как это утверждали сторонники «нового учения» Н. Я. Марра, не было и не могло быть. Речь может ити лишь об ассимиляции скифов, как и ряда других племен, славянами, что в действительности имело место в истории славян.

Кандидат исторических наук А. И. Тереножкин (Институт археологии АН УССР) выступил с докладом «Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоизнания» и некоторые вопросы скифологии», в котором подробно остановился на критике марровских концепций по истории населения скифского времени и значении работы И. В. Сталина для творческого развития советского скифоведения. В отличие от многих скифоведов нашей страны А. И. Тереножкин считает Скифию крупным политическим объединением в виде конгломерата разноязычных племен во главе с ираноязычными кочевыми племенами собственно скифов.

Огромной заслугой советской языковедческой и археологической науки, вооруженной положениями И. В. Сталина, подчеркнул докладчик, является установление того факта, что кроме собственно скифов, в первую очередь кочевников, принадлежавших к племенам северо-иранской группы языков, в состав Скифии входили и нескифские земледельческо-скотоводческие племена лесостепных районов Поднепровья. Побужья и Поднестровья, часть которых была предками древних восточных славян.

Часть доклада А. И. Тереножкин посвятил характеристике отдельных групп памятников и вопросам локализации отдельных племен скифского времени на территории Украинской ССР.

Доклад «Итоги и задачи археологических исследований на территории новостроек Юга Украинской ССР» прочитал кандидат исторических наук И. Г. Шовкопляс (Институт археологии АН УССР).

В докладе было указано, что сооружение грандиозных строек коммунизма на Юге Украины открыло перед советскими археологами новые перспективы и возможности для широкого изучения археологических памятников различных эпох прошлого на обширной территории Северного Причерноморья, имеющих очень важное значение для освещения ряда важнейших вопросов древней истории Юга ССР.

Уже в первые годы работы были исследованы многие крупные памятники эпохи бронзы, скифо-сарматского и раннеславянского времени на Днепре, Молочной и Ингульце.

Часть доклада была посвящена рассмотрению важнейших исторических вопросов, решению которых должны быть подчинены исследования на территории новостроек (изучение памятников сарматских племен на Днепре и в Приазовье, освещение вопросов заселения Причерноморья славянами и др.).

Освещению вопросов происхождения и характера древнеземледельческой трипольской культуры был посвящен доклад кандидата исторических наук С. Н. Бибикова (Ленинград, ИИМК АН ССР) «Поселение в с. Лука-Брублевецкая на Днестре и проблема раннего триполья».

Охарактеризовав результаты многолетних исследований раннетрипольского поселения в с. Лука-Брублевецкая, Каменец-Подольского района, докладчик пришел к выводу, что происхождение трипольской культуры на Среднем Поднестровье связано с процессом столкновения и ассимиляции двух отличных между собой хозяйственных укладов: местного охотничье-собирательского и привнесенного из более южных районов земледельческо-скотоводческого. Последний, как более прессивный, к тому же связанный уже с господством патриархального родового строя, по мнению С. Н. Бибикова, за сравнительно короткое время ассимилирует менее развитой местный хозяйственный уклад с характерным для него матриархальным родовым строем и становится

господствующим и определяющим для всей трипольской культуры этого, а потом и других районов распространения трипольских памятников.

Основную часть своего доклада С. Н. Бибиков посвятил мотивировке выдвинутых им этих новых и оригинальных положений о происхождении и общественном строе раннего триполя.

Доктор исторических наук Т. С. Пассек (Москва, ИИМК АН СССР) сделала доклад «Результаты работ по изучению памятников трипольской культуры на Днестре», являющийся детальным изложением результатов работы Трипольской комплексной экспедиции, работающей под руководством Т. С. Пассек на территории Черновицкой области уже на протяжении 4 лет. За это время экспедицией открыто свыше 300 памятников разного времени — трипольских поселений, стоянок эпохи бронзы, селищ и могильников скифского времени, раннеславянских поселений, поздних славянских городищ и т. д. Одних только древнеземледельческих трипольских поселений открыто тут свыше 200. На некоторых поселениях проведены уже значительные по масштабам раскопки.

В своем докладе Т. С. Пассек детально остановилась на результатах исследований трипольских поселений Берново-Лука, Поливанов-Яр, Мерешовка и поселения эпохи бронзы у с. Бабино на территории Кельменецкого и Сокирянского районов, Черновицкой области.

Раскопки трипольских поселений Берново-Лука и Поливанов-Яр показывают, что основным занятием их жителей было мотыжное земледелие, наряду с которым существовало скотоводство, охота и рыболовство. Основные орудия труда изготавливались из кремня, сланца, рога и кости. Встречаются изделия из меди. Одновременно с землянками существовали и наземные жилища из дерева и глины. Кроме жилищ открыты специальные мастерские по изготовлению кремневых и сланцевых орудий различного назначения. Найдены на поселениях изделия из меди указывают на обмен, существовавший между трипольскими племенами и странами Восточного Средиземноморья и Передней Азии.

В результате работ Трипольской экспедиции в Поднестровье собран значительный материал разного времени, который позволяет по-новому осветить древнюю историю этого района, начиная с эпохи неолита.

С докладом «К вопросу о формировании культур эпохи бронзы в лесостепной зоне Правобережья УССР» выступила кандидат исторических наук В. Д. Рыбалова (Институт археологии АН УССР).

В своем докладе В. Д. Рыбалова детально остановилась на вопросах происхождения и датировки так называемой комаровской культуры, памятники которой распространены на территории почти всей лесостепной зоны Правобережья УССР в период 1500—800 гг. до н. э. В комаровской культуре докладчик выделяет ряд местных вариантов, отличающихся между собой формами могильных сооружений и обрядом погребений; эти отличия продиктованы различными путями формирования и культурно-историческим прошлым того или иного района. Относительно одного из вариантов — днестровского — докладчик указывает, что он возник на основании скрещивания двух этнических групп, одна из которых была носителем культуры «шнуровой керамики», а вторая — позднетрипольской культуры, причем главной, ассимилирующей оказалась позднетрипольская этническая группа. В докладе были рассмотрены также вопросы о генетических связях культур эпохи бронзы с культурами железного века. В связи с этим докладчик выдвинул гипотезу о том, что так называемые предскифские и раннескифские памятники Поднепровья и Поднестровья не имеют непосредственной связи с памятниками культуры полей погребений и поэтому не могут считаться древнеславянскими. Они, по мнению В. Д. Рыбаловой, по своему характеру приближаются к памятникам фракийских (дунайских) культур, а славянизация районов Поднепровья и Поднестровья шла с терри-

тории современных северных районов Украины и южной Белоруссии. Все свои положения докладчик иллюстрировал археологическими материалами.

Новым интересным памятникам был посвящен доклад кандидата исторических наук В. Н. Даниленко (Институт археологии АН УССР) «Памятники раннего железа южной части Полесья Украинской ССР».

В результате экспедиционных работ 1950 г. докладчику удалось исследовать новый тип древних памятников (поселение и погребения с трупосожжением V—IV вв. до н. э.), расположенных на дюнах правого берега Днепра, получивших название подгорских (от названия с. Подгорцы, Обуховского р-на, Киевской области). Памятники подобного типа известны теперь и в ряде других пунктов по Днепру, Десне, Сейму, Западной Двине, в верховьях Оки и ряде других. Эти памятники, как считает В. Н. Даниленко и ряд других исследователей, генетически связаны с памятниками культуры полей погребений корчеватовского типа, которые непосредственно определяются как древнеславянские. Отсюда вытекает особенное научное значение памятников подгорского типа как наиболее древних, имеющих непосредственное отношение к вопросам освещения основной исторической проблемы происхождения восточных славян. Это тем более важно, что указанные памятники встречаются почти на всей территории, где позднее, согласно «Повести временных лет», жили исторические восточнославянские племена.

Памятники же предскифского и скифского времени на Поднепровье и Правобережье (типа Черного леса, Жаботина и др.), по мнению докладчика, прямого отношения к проблеме происхождения восточных славян не имеют.

В. Н. Даниленко считает, что две группы населения, оставившие после себя подгорские и так называемые скифские памятники Правобережья, в V—IV вв. до н. э. существовали одновременно в различных районах.

Значительную часть своего доклада В. Н. Даниленко посвятил характеристике археологических памятников подгорского типа. Он высказал мысль о связи их с памятниками иных территорий, в частности Волыни, Польши, Прибалтики и т. д.

Член-корреспондент АН УССР Л. М. Славин (Институт археологии АН УССР) прочел доклад «Основные результаты исследования Ольвии за последние годы».

Докладчик указал, что исследование Ольвии ведется уже несколько десятков лет, в результате чего значительная часть города уже раскопана. Особенно важными открытиями последних лет является обнаружение центральной городской площади (агоры), нескольких новых улиц, большого каменного бассейна от какого-то гидротехнического сооружения, дающих возможность воспроизвести основные черты планировки и характера застройки центральной части верхнего города Ольвии.

Раскопки дали новый материал о металлообрабатывающем, гончарном и винодельческом ремеслах Ольвии.

В результате широких разведочных работ вокруг Ольвии открыто много скифских поселений, а также поселений первых веков н. э., на которых встречаются находки (глиняная посуда), характерные для раннеславянских (антских) поселений. По мнению докладчика, эти открытия позволяют по-новому ставить вопрос о заселении древними славянами Северо-Западного Причерноморья.

Значительный интерес вызвал доклад доктора биологических наук И. Г. Пидопличко (Институт зоологии АН УССР) «Достижения археологической палеонтологии в познании прошлого Юга ССР».

Докладчик указал, что созданная советскими учеными новая методика археологической палеонтологии по праву занимает выдающееся место в археологических исследованиях и уже обогатилась большим

~~заключением~~ очень важных материалов, дающих возможность полнее изучить фауну, флору и ландшафты прошлого, а также хозяйственную деятельность древнего населения Юга нашей страны. Палеонтологические данные, в частности находки остатков высшей человекообразной обезьяны в Грузии, дают возможность утверждать, что Юг СССР (Закавказье, Крым и др.) также был территорией, где происходило формирование первых людей.

Докладчик выдвинул новые положения, в которых он отрицает существование ледника на протяжении четвертичного периода, а изменения в климате, флоре и фауне Юга СССР в прошлом объясняет зональными особенностями северного полушария.

И. Г. Пидопличко высказал новое утверждение, что исчезновение таких животных, как мамонты, носороги, гигантские олени, а позднее зубры, дикие лошади, сайгаки и др., связано не с изменениями природных условий, в частности климата, а с деятельностью человека, влияние которого на состав фауны усилилось уже со второй половины четвертичного периода и становилось тем сильнее, чем ближе к современности.

Палеонтологические материалы из древних поселений дают возможность установить виды животных, на которых охотились или которых разводили люди в различные периоды древней истории. Они помогают также определить время приручения животных и начало развития скотоводства в том или ином районе нашей страны.

*

Кроме отмеченных выше докладов пленарных заседаний, публикуемых Институтом археологии в виде отдельного сборника, на трех секциях конференции — первобытной, скифо-античной и славянской археологии — было прочитано еще 33 доклада и сообщения, тезисы которых печатаются в настоящем выпуске «Кратких сообщений Института археологии».

Обсуждение докладов, прочитанных на конференции, происходило в обстановке принципиальной научной критики и самокритики и свободного обмена мнениями, переходивших иногда в горячую дискуссию, в частности при обсуждении таких важных проблем древней истории, как, например, проблема происхождения трипольской культуры, вопрос об этнической принадлежности скифских племен, вопрос об античном периоде в истории восточных славян и др.

В обсуждении докладов приняли участие 76 человек, в том числе: действительный член АН УССР П. П. Ефименко, директор ИИМК АН СССР член-корреспондент АН СССР А. Д. Удальцов, директор Института славяноведения АН СССР доктор исторических наук профессор П. Н. Третьяков, директор Государственного Эрмитажа доктор исторических наук профессор М. И. Артамонов, доктора исторических наук профессора Т. С. Пассек, Б. Н. Граков, В. Д. Блаватский, Т. Н. Книпович и П. И. Борисковский (ИИМК АН СССР), профессора М. А. Тиханова и М. К. Карагер (ИИМК АН СССР), зав. кафедрой Нежинского пединститута доктор исторических наук профессор К. Э. Гриневич, доктор биологических наук И. Г. Пидопличко, член-корреспондент АН УССР Л. М. Славин, зав. кафедрой Одесского пединститута доцент А. М. Мелихов, доцент Одесского пединститута М. С. Синицын, профессор Киевского университета доктор филологических наук А. А. Белецкий, зав. отделом археологии Крымского филиала АН СССР кандидат исторических наук П. Н. Шульц, зам. директора Института общественных наук Львовского филиала АН УССР кандидат исторических наук М. Ю. Смишко, кандидаты исторических наук В. Н. Даниленко, Е. В. Махно, В. А. Ильинская, А. И. Тереножкин, Е. Ф. Лагодовская, А. В. Добровольский, В. И. Довженок, В. А. Богусевич, М. И. Вязьмитина (Институт археологии АН УССР), Э. А. Сымонович (Ленинград), кандидат архитектуры Ф. Н. Пащенко (Киев, Академия

архитектуры УССР), научные сотрудники Института археологии АН УССР М. Ю. Брайчевский и Д. Т. Березовец, работники музеев В. Ф. Пешанов и С. М. Мазин (Запорожье) и Г. П. Крысин (Белгород-Днестровский), аспиранты Б. А. Шрамко (Харьковский университет), Д. Я. Телегин (Институт археологии) и др.

Ход дискуссии подробно освещается в научных записках института («Археология», т. VIII).

Работа конференции показала, что после выхода в свет гениального труда И. В. Сталина по вопросам языкоznания советские археологи уже достигли некоторых успехов в деле изучения и освещения ряда важных вопросов древней истории нашей страны. Однако в археологической науке имеется еще немало дискуссионных вопросов (о происхождении скифов и славян, о происхождении и характере трипольской культуры, ряд вопросов по истории эпохи бронзы и т. д.), решение которых является важнейшей задачей всего коллектива советских археологов на ближайшее время. Эта задача требует дальнейшего расширения экспедиционных и теоретических работ по изучению соответствующих археологических памятников на всей территории УССР, особенно в районе великих строек коммунизма на Днепре, Молочной и Ингульце.

Конференция подчеркнула важность лингвистических данных для решения этногенетических вопросов, отметив одновременно, что советские языковеды еще мало уделяют внимания изучению языков древних племен и народов, без которых невозможна разработка ряда общеисторических проблем.

В принятом конференцией развернутом постановлении указывается на необходимость еще более широкого развертывания теоретической работы в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкоznания и экспедиционных исследований с целью выяснения всех важнейших вопросов древней истории нашей Родины. В постановлении отмечается необходимость объединения усилий всех советских археологов для изучения важнейших археологических памятников территории УССР, особенно на территории великих строек коммунизма на Днепре, Молочной и Ингульце. В постановлении указано также на необходимость усиления публикаций археологических материалов и на ряд других неотложных задач археологической науки на Украине.

Участники конференции осмотрели раскопки остатков оборонительных сооружений древнего Киева, проводившиеся институтом во время работы конференция.

К конференции была подготовлена специальная выставка археологических материалов, добытых экспедициями института за последние годы на территории Украинской ССР, в том числе и в районе великих строек коммунизма на Днепре, Молочной и Ингульце.

В работе конференции, кроме научных сотрудников Института археологии, приняли участие сотрудники многих научных, учебных и музеиных учреждений Украинской ССР, Москвы, Ленинграда и других городов нашей страны. В частности, в ней приняли участие представители ИИМК АН СССР и его ленинградского отделения, Института славяноведения АН СССР, Государственного Эрмитажа, Крымского филиала АН СССР, институтов АН УССР — истории, языкоznания, искусствоведения, фольклора и этнографии, Львовского филиала АН УССР, Академии архитектуры УССР, Киевского и Харьковского университетов, Нежинского, Одесского, Винницкого и Ставропольского (Кавказ) педагогических институтов, Киевского, Харьковского, Львовского, Днепропетровского исторических, Одесского археологического, Житомирского, Винницкого, Запорожского, Белгород-Днестровского, Каменец-Подольского, Полтавского, Херсонского, Кировоградского, Ровенского и Бердичевского краеведческих музеев, Ленинградского артиллерийского музея — всего 124 человека.

КОРЧЕВАТОВСКИЕ ПАМЯТНИКИ В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

(По материалам раскопок последних лет)

Е. В. МАХНО

1. Разработка вопросов, связанных с ранней историей славян на Поднепровье, выдвигает в число первоочередных и актуальнейших вопрос о зарубинецко-корчеватовских памятниках, относящихся к тому времени, когда славяне выступают на историческую арену под своим собственным именем.

2. Фрагментарные сведения, опубликованные В. В. Хвойко о раскопках на Зарубинецком могильнике, не давали полного представления о типе захоронений и даже о погребальном комплексе. Первые достоверные сведения об этих памятниках были даны раскопками И. М. Самойловского в 1940—1941 гг. на Корчеватовском могильнике, которые дополнили и уточнили сведения В. В. Хвойко об археологическом комплексе и погребальном обряде, характеризующих памятники этого типа.

3. Открытие поселений и их раскопки позволили установить основной тип жилищных и хозяйственных сооружений, высказать соображения о размерах и планировке поселений, дополнить характеристику вещевого инвентаря.

4. Сейчас мы имеем также некоторые материалы, позволяющие говорить об основной территории распространения корчеватовских памятников, которая охватывает бассейн среднего течения Днепра лесостепной полосы с выходом в примыкающее к ней Полесье. Некоторые признаки корчеватовской культуры установлены также в степи на нижнем Днепре.

5. Датирующие вещи, находимые в документированных комплексах, позволяют признать правильной датировку В. В. Хвойко этих памятников первыми двумя веками до и после н. э. Тем не менее необходимо уточнить нижнюю и особенно верхнюю их дату в отдельности для памятников лесостепных и полесских.

6. Тезис В. В. Хвойко о прямой генетической связи корчеватовской культуры с культурами Лесостепи предшествующей и последующей поры остается неопровергнутым, но нуждается в некоторых уточнениях: можно предполагать генетические связи корчеватовской культуры с культурой предшествующей поры других районов, в частности Полесья; с другой стороны, корчеватовская культура легла в основу не только одной черняховской, а, повидимому, нескольких культур, в том числе и волынцевско-роменской.

7. Новые материалы, поступившие в связи с раскопками на новостройках юга, позволяют поставить вопрос о взаимосвязи корчеватовской и сарматской культур, об ассимиляции оседавших сарматов корчеватовцами.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕГО ПОДНЕСТРОВЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

М. А. ТИХАНОВА

1. Гениальный труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоизнания» открыл для советской исторической науки новые пути в области изучения происхождения народов и их древнейшей истории, в частности в вопросах этногенеза славянства, изучение которого зашло в тупик под воздействием антимарксистских, вульгаризаторских «теорий» Н. Я. Марра.

2. Одной из центральных проблем, связанных с вопросами древней истории славянства, является проблема культуры полей погребений, самое содержание которой, ее генетические связи, территориальные границы и хронологические рамки остаются пока еще дискуссионными. Дискуссионным остается до сих пор и вопрос об этническом единстве или разнородности ее носителей.

3. Причинами такого положения, помимо ошибочности исходных теоретических положений марристского толка, в чем в полной мере повинен и докладчик, являлась также и недостаточность, а подчас и полное отсутствие полноценных, научно добытых и всесторонне исследованных источников. Накопление археологических материалов было неравномерным и несистематическим, научная обработка их далеко не достаточной. Вот почему теперь, когда «теориям» Марра нанесен сокрушительный удар, в условиях той глубокой перестройки, которую переживает советская археология, особо важное значение приобретает и самый фактический материал, полагаемый в основу исследований. Вот почему создание тематических сводок и археологических карт по отдельным районам является одной из важнейших задач правильного решения проблемы культуры полей погребений в целом.

Такая работа и была предпринята докладчиком в отношении Среднего Поднестровья.

4. Составление сводки археологических памятников бассейна среднего Днестра в первой половине I тысячелетия н. э. стало возможным благодаря значительному пополнению старых, крайне недостаточных, материалов, новыми, добытыми работами среднеднестровской, подольской и трипольской экспедиций, проводившихся совместными усилиями Института истории материальной культуры Академии наук СССР и Института археологии Академии наук УССР. Решающее значение имели раскопки, производившиеся в течение нескольких лет в с. Лука-Врублевецкая.

На основе указанных материалов из использованных ранее известных памятников, в частности из неопубликованных раскопок С. С. Гамченко, с привлечением памятников соседних районов и прежде всего верхнего Днестра, и была составлена сводка, выполненная в плане постановки вопроса о раннем славянстве на Днестре. Изложению основного ее содержания и выводов и посвящен настоящий доклад.

5. Памятники первой половины I тысячелетия н. э. в бассейне среднего Днестра представлены остатками поселений, погребальными памятниками и находками римских монет.

6. Поселения, еще до недавнего времени почти здесь неизвестные, насчитываются в настоящее время многими десятками. Они представляют собою открытые, неукрепленные селища, густой сетью покрывающие берега Днестра и его притоков. Топография поселений очень устойчива и выразительна. Они располагаются, как правило, у воды, на первых надпойменных террасах рек или на солнечных склонах оврагов и балок, достигая иногда значительных размеров (нескольких га). В большинстве своем поселения многослойны, иногда двуслойны; значительно реже выступают они как «чистые» селища культуры полей погребений.

7. Систематические раскопки поселения в Луке-Врублевецкой, весьма типичного по своему характеру, топографии, размерам, керамическому комплексу и бытовому инвентарю, позволяют остановиться на нем специально и на его материалах (в сопоставлении с другими среднеднестровскими памятниками и с поселениями соседних территорий) попытаться показать, что представляют собою поселения первой половины I тысячелетия н. э. на Днестре, раскрыть, в меру наличных данных, материальную культуру среднеднестровских полей погребений и установить хронологические рамки ее бытования.

8. Поселение в Луке-Врублевецкой, открытое в 1945 г. разведочной экспедицией Института археологии под руководством П. П. Ефименко, получило широкую известность благодаря раскопкам и исследованиям С. Н. Бибикова. Это один из важнейших и интереснейших памятников раннеземледельческих племен нашего юга. Раннетрипольское поселение подсказывает здесь поселение культуры полей, отделенное от первого стерильной прослойкой.

Культурные остатки первой половины I тысячелетия н. э. прослеживаются на первой надпойменной террасе Днестра на протяжении 800 м в длину и 100 м в ширину. Раскрытые раскопками участки поселения (общая площадь раскопок 700 м²) отчетливо показали многослойность верхнего культурного слоя, в составе которого, наряду с основными материалами культуры полей погребений, явственно проступают культурные остатки раннескифской поры и второй половины I тысячелетия н. э. (раскоп III и шурф XIV), а также позднеславянское поселение начала II тысячелетия н. э.

Вскрытые раскопками участки поселения культуры полей погребений значительно обогатили наши представления о характере жилищ и хозяйственных сооружений. Раскопками было раскрыто несколько жилищ (2 наземных и 2 углубленных), деревоглинобитных хат-мазанок, аналогичных вскрытым раскопками С. С. Гамченко в б. Балтском уезде, хозяйственные сооружения — очаги и печи различного типа и конструкции: открытые очаги, напольные печи (в форме перевернутой пирамиды со срезанным верхом), сводчатые печи, сложенные из камня-плитняка и глинобитные на деревянном каркасе печи-каменки.

Несравненно расширились, а главное уточнились, наши знания в отношении керамики.

Основную массу составляет керамика из серой глины, сделанная на круге; обнаружена, но в значительно меньшем количестве, лепная; встречается и импортная из причерноморских центров.

Кружальная керамика представлена двумя типами: тонкостенной, из хорошо промешанной и отмученной глины без специальных примесей, хорошего, равномерного, «звонкого» обжига, столовой посудой и кухонной посудой — толстостенной, грубой, из глины со специальными включениями минеральных примесей (крупнозернистый песок, дробленый камень), также сильного, равномерного обжига.

Основные, ведущие формы первой группы: миски, в том числе и трехручьи, кувшины, жбаны и малого размера кубки — чаши для питья. Ведущая форма второй группы — горшки для варки пищи, на поддоне и плоскодонные.

Импортная керамика представлена в основном обломками амфор: а) остродонных, с высоким узким горлом и реберчатыми ручками, светлого цвета, б) красноглиняных желобчатых. Первые датируются в основном III в. н. э., хотя встречаются и в IV в. н. э. Вторые принадлежат наиболее поздней группе античных амфор и представляют переходный тип к раннесредневековым; датируются IV — началом V в. н. э. Наряду с амфорами встречаются и единичные обломки красноглиняных лощеных кувшинов.

Специфически характерны для поселений большие пифосообразные сосуды для хранения запасов, часто орнаментированные врезанной однорядной или многорядной волной.

Лепная керамика количественно составляет незначительную группу. Ведущая форма — миски или крышки на высокой ножке и мискообразные горшки в форме опрокинутого усеченного конуса. В единичных экземплярах встречаются обломки богато орнаментированной позднепшеворской посуды типа Сакрау.

Основная масса кружальной посуды является, без сомнения, продукцией ремесленного производства в крупных гончарных мастерских, работавших на сбыт. В каком именно центре изготовлена основная масса посуды из Луки-Брублевецкой, да и из ряда среднеднестровских поселений и могильников, сказать пока невозможно. Ближайшим пунктом к Луке-Брублевецкой, где обнаружены гончарные печи, является поселение в Макаровке (в 2 км от Луки-Брублевецкой), на востоке — поселение в Яланце.

На основании анализа керамического комплекса Луки-Брублевецкой в сопоставлении с памятниками соседних территорий, его можно датировать временем конца II или начала III в. до начала V в. н. э. Это не значит, разумеется, что отдельные формы и даже группы сосудов не жили дольше, некоторые даже до средневековья, а пережиточно и вплоть до современности.

Датировку III — начало V в. н. э. подтверждают и находки предметов домашнего обихода и украшения из металла, камня, глины и стекла (фибулы, кресала, ключи, гребни и др.).

Особенно существенны с точки зрения датировки находки гребней и фибул. Найденный в Луке-Брублевецкой гребень очень типичен для памятников III—IV вв. н. э., однотипен с определенной группой гребней Черняховского могильника и могильников Трансильвании второй половины III—IV вв. н. э.

Специальный интерес представляют находки фибул. Относительно они многочисленны (18 фибул) и представлены двумя типами: а) с обернутой ножкой позднего типа, двухчастные; б) с высоким держателем иглы с головкой, трактованной в виде водоплавающей птицы-утки — местный средневерхнеднестровский вариант. Обычно родиной фибул с высоким держателем иглы считали Восточную Пруссию. В последнее время венгерские ученые доказывают дунайское ее происхождение. Более вероятно, однако, ее северочерноморское происхождение (как и фибулы с обернутой ножкой), быть может ольвийское. За это говорят находки в Ольвии не только прототипов, но и прямого аналога днестровского варианта в погребальном комплексе, датируемом временем не позже II, быть может самого начала III в. н. э.

Фибулы из Луки-Брублевецкой есть все основания датировать временем не ранее конца III — начала IV в. н. э. — вариант с кольцами; вариант с гладкой ножкой несколько позднее, возможно IV — началом V в. н. э.

Фибулы ранних типов (средне- и позднелатенской схемы, глазчатые и сильно профицированные) вовсе отсутствуют в Луке-Брублевецкой, равно как и в других среднеднестровских поселениях.

Многочисленны на поселении остатки костей животных, среди которых кости домашних животных (крупного и мелкого рогатого скота и свиньи) преобладают над дикими (89,7 и 10,3%) при ничтожно малом количестве костей рыб, что свидетельствует о широком развитии животноводства и незначительной роли охоты и рыболовства.

О пашенном, плужном земледелии с использованием тягловой силы скота свидетельствуют находки железных асимметричных сошников в поселении у с. Лабушна-Пасад (раскопки С. С. Гамченко) и в Ленковцах (работы трипольской экспедиции 1951 г.).

9. В отношении погребальных памятников первой половины I тысячелетия н. э. Среднее Поднестровье представляет белое пятно. Памятников известно очень мало, а те немногие, которые известны, не подвергались исследованию: материалы их не опубликованы, недоступны или исчезли вовсе. Некоторые памятники, нашедшие отражение в археологической литературе, получили неправильную характеристику и датировку (Тернава-Великая и Михалевка).

Всего в бассейне среднего Днестра известно два могильника (оба не исследованы) и несколько погребений, а также находок сосудов, происходящих из разрушенных погребений. Анализ опубликованных и музеиных материалов, а также архивных данных, позволяет прийти к следующим заключениям:

а) погребальные памятники первых двух веков н. э. отсутствуют вовсе. Все до сих пор открытые погребальные памятники не старше конца II—III вв. н. э.;

б) среди наличных памятников отчетливо выделяются погребения воинов и захоронения рядового населения. Как те, так и другие не однородны: погребения воинов на северо-западе имеют отчетливо выраженный западновенедский (пшеворский) характер, на юго-востоке — сарматский. Среди захоронений рядового населения на левобережье Днестра преобладают погребения черняховского типа. На правобережье пока известны: единичное захоронение липицкого типа и впускные погребения сарматского облика; и то, и другие датируются III в. н. э. В IV — начале V в. н. э. наблюдается определенная унификация погребального обряда, выражаясь в распространении на все левобережье среднего Днестра трупоположений однотипных с трупоположениями Верхнего Поднестровья.

10. Картирование и анализ находок римских монет и кладов позволяют констатировать следующие факты:

1) полное отсутствие в Среднем Поднестровье римского серебра времен республики и ранней империи, при наличии единичных находок монет середины III и середины IV в. н. э. и при максимуме находок монет времени Антонинов как в единичных находках, так и в кладах;

2) отсутствие монет местной чеканки;

3) наличие на поселениях культуры полей погребений III—IV вв. н. э. римского серебра II в. н. э., при отсутствии более поздних монет;

4) сильную стертость серебра II в. н. э., а также конца II — рубежа III в. н. э. и принадлежность III в. н. э. единственного золотого ауреуса, равно как и двух медных монет, в том числе и городской чеканки (г. Аполлонии);

5) сосредоточение всех до сих пор известных кладов в восточной части бассейна среднего Днестра, у самого его левого берега, и в междуречье Днестра и Южного Буга, за пределами лесостепи, в степных районах.

Указанные факты позволяют прийти к следующим заключениям:

а) приток римских монет в Среднее Поднестровье имел место в основном, во второй четверти — середине III в. н. э. и шел с юга Бугско-Днестровским путем;

б) клады римского полноценного серебра в основном представляют собой сокровища, накопленные вождями и представителями знати путем грабежа или в виде дани, или, наконец, в результате внешней торговли. Их зарытие связано с угрозой военной опасности. Они свидетельствуют в то же время о глубоко зашедшей социально-экономической дифференциации общества;

в) для положительного решения вопроса о широком использовании римской серебряной монеты в качестве единицы денежного обращения для внутреннего обмена (Брайчевский, Фенин) достаточных данных нет;

г) вопрос о чеканке местной монеты должен быть решен отрицательно.

11. Проведенный обзор археологических памятников Среднего Поднестровья первой половины I тысячелетия н. э. позволяет сделать следующие выводы источниковедческого и историко-культурного порядка:

1) Приходится констатировать полное отсутствие на территории Среднего Поднестровья, в условиях современного состояния наших знаний во всяком случае, памятников последнего века до н. э. рубежа и первых двух веков н. э. Все наличные памятники — поселения, могильники и отдельные погребения, равно как и единичные находки на левобережье Днестра, локализуются во времени в пределах III, может быть конца III в. н. э. — начала V в. н. э., на правобережье, в непосредственной близости от Днестра, — не ранее конца II в. н. э.

2) Обнаруженные в бассейне среднего Днестра многочисленные поселения — открытые селища должны быть отнесены к культуре полей погребений черняховского типа в ее своеобразном днестровском варианте — со специфическими особенностями в домостроительстве и керамическом комплексе, почему объединение районов среднего Днепра и среднего Днестра в единый археологический комплекс (Третьяков) является неправомерным.

3) Погребальные памятники, исследованные в Среднем Поднестровье крайне недостаточно, свидетельствуют все же о неполной однородности населения, во всяком случае, на окраинах бассейна среднего Днестра, на северо-востоке тесно связанного и культурно, и, вероятно, этнически со среднеднепровским населением, на границе со степью — с сарматским. на правобережье Днестра — с «фракийским». Они свидетельствуют также и о проникновении в III в. н. э. на юго-восток, по Днестру западновенедских элементов, а также об отчетливой тенденции к полной культурной интеграции, унификации населения в течение IV в. н. э.

4) Как показывает анализ археологических данных, хозяйственной базой общества являлось плужное земледелие с широко развитым животноводством, сопровождавшееся развитым ремеслом и широким обменом с соседними областями и черноморским югом, особенно усилившимся в III—IV вв. н. э. Население Среднего Поднестровья, как и соседних с ним районов Лесостепи, выступает перед нами, как стоящее на грани перехода от общества первобытно-общинного к обществу классовому, как вступившее в переходный период, когда основной общественной ячейкой становится территориальная соседская община — село.

**РАННЕСЛАВЯНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ У с. ГРУШЕВКА И КУТ,
АПОСТОЛОВСКОГО Р-НА, ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ОБЛАСТИ****Э. А. СЫМОНОВИЧ**

1. Неизученность Апостоловского р-на, Днепропетровской области, в отношении памятников первых веков н. э. делает работу на имеющихся там раннеславянских поселениях особенно значимой и интересной.

2. Разведочными работами между сс. Ново-Воронцовка — Перевицкие хутора были обнаружены новые памятники разного времени. В двух пунктах у сс. Грушевка и Кут удалось провести пробные раскопки.

3. На многослойном поселении в с. Грушевка обнаружена землянка столбовой конструкции с выступающим с восточной стороны очагом и углублением перед ним. Имеющиеся материалы позволяют ее отнести ко II—III вв. н. э.

4. В с. Кут, расположенному в 2 км от предыдущего поселения, обнаружены два наземных жилища с хозяйственными ямами возле них. Жилища имели прямоугольную форму. Стены их покоялись на столбах. Очаг, обмазанный глиной, помещался у одной из коротких стен дома.

5. Двор и жилище № 1 были окружены кольцевой канавой, содержащей заполнение, аналогичное находкам на территории, где располагались жилища.

6. Эти комплексы датируются III—IV вв. н. э. и относятся к памятникам черняховской культуры.

7. Основным занятием жителей, судя по находкам обломка жернова и фрагментам корчаг и амфор, предназначенных для хранения запасов, было земледелие. Кроме того, немаловажную роль играли скотоводство, охота и рыбная ловля.

8. Не исключено, что возникновение поселений с наземными жилищами является следствием взаимообщения с населением городищ низового Днепра. Возрождение и укрепление в первые века н. э. городищ низового Днепра (по В. И. Гошкевичу) способствует налаживанию торговых связей с Причерноморьем. Рост торговли, о которой свидетельствует большое количество импортной посуды, найденной в с. Кут (27% всей керамики), усиливает социальное расслоение в среде местного населения.

К ВОПРОСУ О РЕМЕСЛЕ КУЛЬТУРЫ ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ**А. Т. БРАЙЧЕВСКАЯ**

1. К культуре полей погребений в целом уделялось немало внимания со стороны советских археологов, хотя ремесло специально и не исследовалось. За 50 с лишним лет изучения культуры полей погребений накопился известный археологический материал, характеризующий ремесленную деятельность населения. Цель сообщения — подытожить этот материал, представляющий интерес во многих отношениях.

2. Памятники культуры полей погребений свидетельствуют о существовании у славян в первой половине I тысячелетия н. э. целого ряда ремесел — железообрабатывающего, гончарного, ювелирного, обработки кости, камня, ткачества и др. Наиболее развитыми выступают первые три отрасли.

3. Особый интерес рассмотрения ремесленной деятельности лесостепных славян первой половины I тысячелетия н. э. заключается в том, что к этой эпохе относится отделение ремесла от земледелия. На смену прежнему домашнему ремеслу приходят специалисты-ремесленники, производящие продукцию непосредственно для обмена.

4. Ф. Энгельс и И. В. Сталин рассматривали отделение ремесла от земледелия как крупнейшее событие в развитии производительных сил древних народов.

5. Мнение о существовании специалистов-ремесленников у племен полей погребений в области железоделательного, гончарного и ювелирного дела уже высказывалось в археологической литературе, но всегда лаконично, без привлечения широкого археологического материала.

6. Выделение ремесла в самостоятельную хозяйственную отрасль не было местным явлением в одной лишь лесостепной полосе. Этот процесс в I тысячелетии н. э. происходил на широких территориях, населенных славянскими племенами.

7. Остатки ремесленного производства были обнаружены в 20 памятниках культуры полей погребений. На семи поселениях известны следы железоделательного ремесла (Иванковцы, Остров, Миляновичи, Плоское, Пражев, Пирогово, Великие Дмитровичи), в четырех пунктах — следы изготовления украшений (Грищинцы, Великие Викницы, Корчеватое, Зарубинцы), на девяти поселениях — остатки гончарного производства (Лепесовка, Неслухов, Никольское, Голынь, Струтинь Нижний, Лука-Брублевецкая, Флоровка, Пересечное, Слободзея).

Сведения о ремесленной деятельности племен культуры полей погребений могут быть дополнены находками многочисленной и разнообразной ремесленной продукции.

8. Имеющийся археологический материал позволяет подвести некоторые итоги и поднять ряд вопросов, которые нужно будет принять во внимание при дальнейших исследованиях.

Ряд особенностей ремесленного производства свидетельствует о выделении в самостоятельные хозяйствственные отрасли железообрабатывающего, гончарного и ювелирного дела. Этими особенностями являются: а) наличие на некоторых поселениях (Лепесовка, Иванковцы, Грищинцы и др.) следов ремесленного производства в значительных размерах, изготовление ремесленниками этих поселений продукции в массовом количестве, предназначаемой для обмена; б) появление технических усовершенствований и более сложного ремесленного оборудования, связанных с работой специалистов-профессионалов (гончарные и, возможно, железоплавильные горны, гончарный круг); в) разнообразие и сложность ремесленной продукции, изготовление которой требует профессионального умения.

9. Археологический материал позволяет предположить следующую очередность выделения ремесел. Первым на самостоятельный путь развития становится металлообрабатывающее ремесло, наиболее важное в земледельческом хозяйстве. Истоки его выделения следуют, повидимому, искать еще во второй половине I тысячелетия до н. э., когда на обширных территориях Северного Причерноморья появляются металлообрабатывающие центры (городища Каменское, Бельское, Раскопаное, Галлиш и Ловачка). Возможно, что с последних веков до н. э. начинает обособляться ювелирное ремесло, поскольку уже в это время фиксируется самостоятельное производство украшений.

Появление обжигательных горнов и гончарного круга на черняховском этапе культуры полей погребений свидетельствует о выделении гончарного ремесла примерно со II в. н. э.

10. Наблюдения над размещением остатков ремесленной деятельности в памятниках полей погребений показывают, что в эту эпоху развитие общественного разделения труда выразилось в существовании отдельных поселений, специализировавшихся в производстве какого-либо одного вида ремесленной продукции. Поселения со следами значительного ремесленного производства могут рассматриваться как предшественники, зачатки позднейших древнерусских городов.

11. Рассмотрение ремесленной деятельности по памятникам культуры полей погребений показывает, что славяне этой эпохи имели ряд развитых отраслей ремесла, обладавших высоким для своего времени техническим уровнем и занимавших важное место в хозяйстве. Их хозяйствственные успехи, в частности успехи ремесла, послужили основой военных и политических успехов в знаменательную для антиков эпоху успешных войн с Византией в VI—VII вв.

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЕ СВЯТИЛИЩЕ В с. ИВАНКОВЦЫ НА ПОДНЕСТРОВЬЕ

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ, В. И. ДОВЖЕНОК

1. В с. Иванковцы, Ново-Ушицкого р-на, Каменец-Подольской области, обнаружены три каменных изваяния, изображающие древние божества. Первое из них представляет собою четырехгранный каменный столб с изображениями человеческих лиц на всех четырех сторонах. Второе представляет собою очень схематическую каменную фигуру бородатого мужчины с едва намеченными изображениями обеих рук и меча. Третье, разбитое сравнительно недавно и закопанное в землю, представляет собою также очень схематическое скульптурное изображение человека.

2. Все три изваяния расположены на территории поселения культуры полей погребений черняховского типа, что имеет очень важное значение для решения вопроса об их датировке и этнической принадлежности.

3. Осенью 1951 г. в с. Иванковцы экспедицией Института археологии АН УССР были произведены небольшие разведочные раскопки в непосредственной близости от нынешнего местонахождения идолов. При этом четыре разведочные траншеи показали полное отсутствие каких-либо монументальных памятников. Таковые были обнаружены только в одной траншее (раскоп I), проведенной по линии к северу от подножия первого изваяния.

4. Здесь были раскопаны четыре ямы, расположенные по одной линии, протянутой от подножия изваяния в направлении на север, в заполнении которых встречались только обломки посуды, типичной для культуры полей погребений черняховского типа, и кости животных. У наиболее отдаленной от изваяния ямы раскопаны остатки сооружения площадью $1,7 \times 0,75$ м. Это сооружение, опиравшееся на четыре угловых столба, имело, однако, довольно высокие стены, от которых сохранился сплошной развал печины, покрывавшей двумя слоями пространство вокруг ямы.

Тут же, в непосредственной близости от ямы, была расчищена правильной формы каменная вымостка, выложенная из больших плоских известковых камней. Размеры вымостки — $1,4 \times 0,6$ м.

5. В траншее V, проведенной близ второго изваяния, под мощным слоем золы был обнаружен край большой глиняной вымазки, очень хорошо обожженной, уходившей под межу и лежавшую фигуру. Ввиду того, что полное исследование этого интересного памятника невозможно до снятия изваяния и выкорчевки растущих здесь фруктовых деревьев, этот раскоп был законсервирован.

6. Раскопанные объекты ни в коем случае не могут быть объяснены как жилые или хозяйствственные сооружения. Против этого говорит их характер, размеры и отсутствие бытового инвентаря. Большой интерес

представляют некоторые обломки керамики,—как например, обломок донышка миски, орнаментированной внутри, или обломок посудины, предназначавшейся для подвешивания, найденный в упомянутой выше постройке под завалом печины от стен.

7. На основании данных разведочных раскопок можно предполагать, что пространство близ местонахождения каменных изваяний было свободно от застройки; жилые кварталы поселения, повидимому, располагались восточнее, на мысу соединения двух речных долин. Там же обнаружены, как будто, и следы железоделательного производства в виде большого количества железных шлаков.

8. Учитывая характер раскопанных объектов, а также и общий характер культурного слоя на всей площади близ изваяний, следует рассматривать эти объекты в связи с каменными фигурами, на что указывает и определенная связь их топографического размещения с первым из изваяний. Надо думать, что раскопанные в 1951 г. объекты имеют культовый характер и являются частью расположенного здесь святилища.

Культовые ямы типа раскопанных в Иванковцах известны на территории Восточной Европы с глубокой древности. Каменная вымостка, сложенная из крупных плоских камней, может быть объяснена в качестве жертвеника. Небольшое сооружение с высокими стенами и подвешенной внутри курильницей или лампадой также может найти свое объяснение в области культовых отправлений.

Кости, обнаруженные в ямах, должны быть истолкованы как кости жертвенных животных, а посуда — в качестве культовой посуды, служившей вместилищем для приношений.

9. Найденные на поселении две римские монеты конца II в. н. э. определяют нижнюю хронологическую границу существования поселения и святилища, но общий характер вещественного материала (керамики) говорит о более позднем времени; среди керамического материала встречены значительно более поздние вещи, дата которых может быть определена временем не ранее VI—VII вв. н. э. Поэтому датировка памятника должна быть распространена и на середину I тысячелетия н. э., а учитывая тот факт, что римские монеты I—II вв. н. э. обращались в среде восточных славян по крайней мере еще в IV—V вв., возможно допущение, что поселение и святилище следует датировать временем IV—VI вв. н. э.

10. Связь каменных изваяний с культурным слоем позволяет определить их как божества восточных славян первой половины и середины I тысячелетия н. э. Изучать их приходится с учетом письменных сведений о религиозных воззрениях антиков (Прокопий), а также в сравнении с другими археологическими памятниками, отражающими древнеславянскую идеологию, известными на других славянских землях. Особый же интерес представляют аналогичные каменные изваяния Поднестровья, одним из которых является знаменитый Збручский идол или Святовит, изображающий, очевидно, то же самое божество, что и иванковецкое четырехликое изваяние.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЛЕТОПИСНЫХ СЕВЕРЯН

Д. Т. БЕРЕЗОВЕЦ

1. Археологические памятники племен «Повести временных лет» давно интересуют археологов. Памятники этих племен искали, главным образом, в курганных материалах времени Киевской Руси.

За последние годы открыты несколько типов памятников, относящихся к VII—IX вв. Если курганные материалы времени Киевской Руси могут иметь значение для определения границ племен, то на основании исследований поселений и могильников предшествующего времени — времени реального существования летописных племен — появляется возможность осветить на археологическом материале их социальные и этнографические особенности.

2. Для летописных северян периода VII—X вв. такими памятниками являются городища роменского типа и связанные с ними курганные могильники, а также поселения и могильники волынцевского типа.

3. Мнения об архаичности и примитивности культуры городищ роменского типа, базирующиеся на отсутствии тут кружальной керамики и незначительном количестве изделий из металла, повидимому, следует пересмотреть как неправильные.

4. Раннему периоду существования городищ роменского типа соответствуют курганные могильники с захоронением праха сожженных покойников в урнах, очень мелко закопанных в верхней части заранее насыпанных курганов; кроме этого были, повидимому, и столбы, упоминаемые в летописи, на которых ставились урны. Такие столбы были обнаружены В. З. Завитневичем недалеко от г. Лоева¹.

5. Вторым типом северянских памятников являются поселения и могильники так называемого волынцевского типа, которые могут быть датированы VII—VIII вв., а может быть и VI в. (Авдеевка, Беседовка).

Поселения волынцевского типа не имеют укреплений, располагаются на низких мысах, около самой реки, как бы прячясь в болотах и топях. Могильники находятся на возвышенностях, в непосредственной близости от поселений.

Основная масса находок на поселениях состоит из керамики лепной (в основном), кружальной, лепной, подражательной кружальной, и импортной — амфор восточного типа. Кроме керамики найдены орудия труда (наральник, серп), утварь и украшения.

Могильники здесь бескурганные. Сожжение производилось на стороне, остатки сожженного праха клались в урны, которые ставились на расчищенную площадку и присыпались сверху землей. Обряда труположений на могильниках не встречено.

¹ В. З. Завитневич, Вторая археологическая экскурсия в Припетское Полесье, Чтения в историческом обществе Нестора Летописца, кн. VI, К., 1892, стр. 19—20.

6. Район распространения поселений и могильников волынцевского типа совпадает с районом распространения роменских городищ. По всему облику культуры волынцевские памятники очень близки памятникам роменского типа и являются их предшественниками.

7. Генетические корни памятников волынцевского типа не прослеживаются в памятниках культуры полей погребений черняховского типа. Не совпадают они и территориально.

8. Общность этой культуры можно, пожалуй, усматривать с памятниками корчеватовского типа, которые на территории лесной зоны, повидимому, доживают до середины I тысячелетия н. э.

9. Некоторые керамические формы и орнаментальные мотивы бытуют на северянской территории от скифского времени до времени Киевской Руси, что создает впечатление беспрерывности развития культуры автохтонного населения.

10. Экономической основой северянского общества было земледелие; повидимому, значительную роль играло связанное с ним скотоводство. Подсобную роль играли охота, рыболовство, лесные промыслы.

На волынцевском этапе уже окончательно выделились железообрабатывающее и ювелирное ремесла. Гончарство выделяется лишь к X в.

Волынцевские и роменские памятники характеризуют северянское общество на этапе формирующихся феодальных отношений. Патриархальной семьи тут уже нет, существует соседская община с индивидуальным хозяйством отдельных семей. Внутри общины происходит имущественная дифференциация, зарождается класс феодалов.

ПАСТЫРСКОЕ ГОРОДИЩЕ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

1. Проблема восточнославянских племен VII—IX вв. н. э., т. е. эпохи, предшествующей образованию Киевского государства, представляет для историка нашей страны весьма существенный интерес. Однако эта проблема разработана пока еще весьма слабо, причиной чему является узость источниковедческой базы. Письменные источники содержат весьма скучные и часто противоречивые сведения об этой эпохе, археологические же памятники этого времени почти не изучены.

2. До недавнего времени считалось, что у восточных славян родоплеменной строй господствовал вплоть до IX в. н. э., вследствие чего признавалось, что племена, как общественная организация, существовали до этого времени. Именно таким образом и оценивались летописные племена.

3. При чрезвычайной скучности письменных источников, освещдающих историю восточных славян в период VII—IX вв., первостепенное значение приобретают археологические материалы. До недавнего времени восточнославянское общество указанного периода освещалось почти исключительно материалами так называемых городищ роменского типа, на основании которых делался вывод о чрезвычайной архаичности их общественного уклада.

4. В настоящее время обнаружены памятники VII—IX вв. н. э., заставляющие коренным образом пересмотреть общую концепцию истории восточнославянских племен данного времени. Это — памятники волынцевского типа, совершенно по-новому освещдающие историю славян на Левобережье (северяне), памятники типа Луки-Райковецкой на северном, лесном Правобережье (древляне), памятники типа раннего Плиснека и т. д. К числу таких памятников принадлежит и Пастирское городище, давшее ценный материал для увязки антской культуры полей погребений с культурой Киевской Руси.

5. Пастирское городище относится к числу наиболее значительных и важных памятников Среднего Поднепровья. Значение его определяется богатством материалов, о чем свидетельствовали уже первые раскопки городища, проведенные В. В. Хвойко. Небольшие по масштабам раскопки 1949 г. показали, что городище археологически еще далеко не исчерпано, и дали важный материал, внесший определенную систему в материалы старых раскопок.

6. На Пастирском городище имеются три культурных слоя — раннескифский, позднескифский и раннесредневековый (VII—VIII вв. н. э.). Старые сведения о наличии здесь слоев времени первых веков н. э. и времени Киевской Руси не подтвердились.

7. Возвведение и функционирование оборонительных сооружений города относится к раннескифскому времени; в раннесредневековое время здесь существовало открытое поселение, по своей топографии ничем не отличавшееся от поселений культуры полей погребений и от других поселений VII—VIII вв. н. э.

8. В 1949 г. на Пастьрском городище были открыты остатки четырех наземных жилищ и двух полуземлянок. Первые находят себе аналогии в жилищах культуры полей погребений, вторые — в памятниках, известных на других территориях и относящихся к тому же времени, что и раннесредневековый слой Пастьрского городища (VII—VIII вв. н. э.).

9. Вещественный материал, характеризующий раннесредневековый слой Пастьрского городища, состоит главным образом из керамики. В ней обнаруживается много черт, общих с культурой полей погребений, свидетельствующих о бесспорной генетической связи с культурой полей погребений. Одновременно в керамике Пастьрского городища наблюдается ряд черт, существенно отличных от керамики полей погребений и являющихся признаком более позднего времени. Эти черты находят себе аналогии в других памятниках VII—IX вв. (Волынцево, Плиснесь, Луцк, Гнида-ва и др.) и, в значительной степени, — в культуре Киевской Руси.

10. Помимо керамики, с Пастьрского городища происходит большое количество иных вещей, которые должны быть отнесены ко времени VII—VIII вв. н. э. — железных орудий и предметов вооружения, ювелирных изделий из серебра, золота и бронзы, изделий из кости, из глины и т. д. Эти вещи происходят как из раскопок, так и, в большинстве случаев, из случайных находок во время сельскохозяйственных работ, что, однако, нисколько не умаляет их исследовательской ценности, поскольку связь их с культурным слоем бесспорна.

11. Большой интерес представляют два клада ювелирных изделий VIII в. н. э., найденные в 1898 и 1949 гг.

12. В своей совокупности материалы Пастьрского городища позволяют охарактеризовать общество, памятником которого оно является, более или менее всесторонне. Материалы эти имеют большое значение для суждения о сельскохозяйственном и ремесленном производстве, а также общественном строе восточных славян VII—VIII вв. н. э.

13. Эти материалы, вместе с другими аналогичными памятниками, генетически увязывающимися с культурой полей погребений, свидетельствуют о том, что в середине и второй половине I тысячелетия н. э. восточные славяне переживают не упадок общественной жизни и культуры, как думали раньше, а, наоборот, ее дальнейший подъем и развитие.

14. Важно, что в VII—VIII вв. н. э. на смену единой культуре полей погребений, охватывающей значительные пространства, приходит целый ряд культурных проявлений, генетически с нею связанных, но различающихся в деталях. Думается, что это следует поставить в связь с распадом антического политического объединения, сведения о чем находим у Масуди, когда на место «племенному объединению» приходят отдельные «племена», представляющие собой как бы самостоятельные политические организмы.

15. Новые данные приводят к мысли, что эти «племена», известные нам по летописи, представляют собою не племена в социально-экономическом смысле, т. е. институт рода-племенного строя, а политические объединения, возникшие вследствие развития феодальных отношений, своего рода зародыши феодальных княжеств.

СЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЧЕРНИГОВЩИНЫ ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Д. И. БЛИФЕЛЬД

1. Начатые Д. Я. Самоквасовым в 70-х годах прошлого века археологические исследования Черниговщины, несмотря на открытие таких выдающихся памятников как Черная Могила, не получили в дальнейшем сколько-нибудь заметного продолжения. Даже широко развернувшиеся в советские годы систематические раскопки древнерусских городов и поселений до недавнего времени в малой степени затронули как сам Чернигов, так и многочисленные селища и могильники его окрестностей в районе нижнего и среднего течения Десны и ее притоков. Лишь в самые последние годы Институт археологии АН УССР наметил широкие полевые исследования, которые должны в плановом порядке охватить глубокими разведками и стационарными раскопками археологические памятники обширного района, прилегающего к Чернигову. Работы, начатые в осуществлении этих наметок, собрали интересный материал, относящийся к разным этапам истории славянского населения Черниговщины.

2. Древнейшим славянским памятником Черниговщины является поселение у с. Табаевка, на правом берегу р. Белоус (приток Десны), в 20 км к северу от Чернигова. Поселение может быть датировано не позже III в. до н. э. и является древнейшим памятником культуры полей погребений зарубинецко-корчеватовского типа. Основной керамический материал этого поселения выступает в типично корчеватовских памятниках только в виде сопровождающего материала, что объясняется, возможно, локальными особенностями этой культуры в указанном районе, а может быть более ранним возрастом поселения. Так или иначе, культурно-этническая близость славянского населения Правобережья и Левобережья Среднего Поднепровья в это время выступает довольно определенно.

3. Последующий этап развития славянского населения Черниговщины представлен археологическими памятниками, относящимися уже к началу второй половины I тысячелетия н. э. К этому времени относится нижний культурный слой городища в урочище Коровель у с. Шестовицы. Выявленные здесь материалы, представленные не только отдельными находками, но и целым жилищным комплексом, обнаруживают исключительную близость материальной культуры населения Черниговщины с материальной культурой населения более восточных районов Левобережья, известной по памятникам раннероменского времени типа Волынцева, что указывает на экономическое, культурное и, повидимому, этническое единство славянского населения Левобережья.

4. К концу I тысячелетия н. э. облик археологических памятников Черниговщины существенно отличается от более восточных районов Левобережья, занятых памятниками роменского типа. Следует, однако, отметить, что западная граница распространения роменских памятников

проходит не по линии устья Сейма, как это предполагалось, а значительно западнее, доходя почти до самого Чернигова, а отдельные находки керамики роменского типа встречены и в самом Чернигове.

5. В IX—X вв. основным типом поселений на Черниговщине являются открытые селища, среди которых, в районах, удаленных от основной водной артерии — Десны, редко размещаются укрепленные городища. В непосредственной близости от Чернигова городищ значительно больше, и размещаются они значительно гуще. Временем возникновения городищ, судя по данным раскопок городища у с. Рогоща, следует, видимо, считать IX—X вв. Наличие двух типов поселений отражает два социальных полюса феодального общества — открытым сельским поселениям противостоят укрепленные городища — феодальные замки и города.

6. Это находит свое подтверждение и в характере могильников. Открытые поселения сопровождаются небольшими курганными могильниками с довольно бедными трупосожжениями. Городищам соответствуют большие могильники, в которых встречены богатые погребения феодальной знати, — так называемые дружинные погребения. Особый интерес в этом отношении представляет Шестовицкий могильник, где встречены богатые дружинные погребения с трупоположением в деревянных гробницах наряду с дружинными погребениями с обрядом трупосожжения. Оба типа дружинных захоронений принадлежат местному славянскому населению Поднепровья. Среди этих богатых погребений встречены погребения ремесленников (Шестовицы, Табаевка), свидетельствующие о выделении к этому времени ремесленной верхушки, представляющей собой, видимо, зачатки городского патрициата.

7. В отличие от более восточных районов, где распространены памятники роменского типа, археологические памятники Черниговщины — поселения, городища и, особенно, лучше исследованные курганные могильники IX—X вв., характеризуют более высокую ступень социально-экономического развития и блестящий расцвет культуры Киевской Руси. Отличия в облике памятников Черниговщины представляются явлением не начальным, а сравнительно поздним, сложившимся к концу I тысячелетия. Это явление обусловлено, очевидно, не племенными различиями населения Черниговщины, а историческими условиями развития этого района.

**ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДРЕВНЕРУССКИХ
ПАМЯТНИКОВ IX—XIII вв. НА ТЕРРИТОРИИ ГАЛИЦКОЙ
И ВОЛЫНСКОЙ ЗЕМЕЛЬ**

А. А. РАТИЧ

1. Изучение истории и культуры Галицкой и Волынской земель IX—XII вв. на основе археологических источников и с позиций марксистско-ленинского метода имеет огромное научное и актуальное политическое значение. Оно разоблачает антинаучные взгляды украинских буржуазных националистических историков о Галицко-Волынском княжестве XIII в. как украинском национальном государстве, а также об отличии культуры этого княжества от культуры других русских земель.

2. Археологические памятники времени Киевской Руси и феодальной раздробленности на территории западных областей УССР во время австро-венгерской и польской оккупации этих земель почти не исследовались. Они игнорировались буржуазными немецкими и польскими исследователями по политическим соображениям.

3. Широкие исследования памятников эпохи Киевской Руси на западноукраинских землях начались с их воссоединением в едином Украинском Советском государстве. За время советской власти в западных областях УССР проведены работы трех разведывательных и 10 стационарных экспедиций, велись систематические раскопки на территории древнерусских городов Галича и Плиснека и поселений в Рипневе возле г. Буска и др.

4. В результате этих археологических исследований можно уже составить представление о топографии населенных пунктов, укреплениях, монументальном и жилищном строительстве, а также о производстве и культуре Галицкой и Волынской земель XI—XIII вв.

5. Составленная карта археологических памятников эпохи Киевской Руси и феодальной раздробленности на территории западных областей УССР содержит около 400 пунктов. Древнейшие русские города на этой территории возникли в бассейне Западного Буга (Волынь, Червень, Буск, Белз, Плиснек), а затем в водоразделе Днестра и Припяти и по берегам Днестра. На основании археологических исследований укрепленные пункты Галицкой и Волынской земель по социальному-экономическим признакам можно разделить на две группы: города (Галич, Плиснек, Владимир-Волынский и др.) и замки (Бильче Золоте, Нижний Струтин, Русская Ступница и др.). Из исследованных городов Плиснек существовал уже с дофеодального периода (VII—VIII вв.), а Галич — с начала раннефеодального периода (IX в.). Из поселений Галицкой и Волынской земель частично исследовались два: в сс. Городок возле Ровно и Рипнев возле Буска. Поселение в Городке существовало с начала раннефеодального, а поселение в Рипневе — с дофеодального периода. Археологические исследования на этих поселениях показали значительный уровень культуры сельского населения.

6. Оборонные сооружения древнерусских городов исследовались в Галиче, Плиснске, Городнице, Малых Грибовичах и в Нижнем Струтине. Земляные валы этих городов имели деревянные (Галич, Малые Грибовичи) или каменные (Плиснск, Нижний Струтин) конструкции.

7. Монументальное строительство Галицкой и Волынской земель известно по памятникам Галича и Владимира-Волынского. Церкви Галича строились из тесаного белого камня, а Владимира-Волынского — из кирпича. Наиболее выдающимися памятниками церковной архитектуры являются Успенский собор в Галиче, фундаменты которого были обнаружены в 40-х годах, и Мстиславов собор во Владимире-Волынском. Среди остатков этих соборов сохранились фрески, а в Галиче — также белокаменные детали архитектурных блоков, которые связывают его с памятниками Суздаля и Владимира-на-Клязьме.

8. Жилищные и хозяйственные сооружения обнаружены в Галиче, Плиснске, Городнице и других городах, а также на поселениях в Городке и в Рипиеве. Это были полуземляночные и наземные сооружения, прямоугольные в плане, с жилой площадью в 25—30 м² с печами-каменками и глинобитными печами. Наземные жилища были построены «на сруб» и «на столб».

9. На территории Галицкой и Волынской земель для IX—XIII вв. отмечены курганные и бескурганные могильники с преобладанием первых. В погребениях господствует ритуал трупоположения, трупосожжения встречаются редко. На Волыни преобладающей формой погребения являются курганы, в Галиции встречаются курганные и бескурганные могильники.

10. Хозяйственная деятельность населения Галицкой и Волынской земель характеризуется следующими чертами. Сельское хозяйство: основным занятием населения было земледелие и скотоводство, некоторую роль играла и охота. Среди археологического материала, добытого раскопками, находятся железные наарльники, серпы, косы, жернова, свидетельствующие о земледелии, и многочисленные кости домашних животных, а также сосуды с отверстиями в дне, свидетельствующие о скотоводстве и молочном хозяйстве. Ремесло: кузнечное дело было весьма развито. Необходимое сырье выплавлялось в сырдунтных горнах из местных болотных руд. Остатки сырдунного горна обнаружены в с. Крылосе (древний Галич), а следы кузнечных мастерских — в Крылосе и в Плиснске. О значительном развитии кузнечного ремесла свидетельствует большой ассортимент железных предметов, найденных в Крылосе, Плиснске, Русской Ступнице, Коршеве и др. Кроме простых изделий изготавливались и более сложные предметы хозяйственного обихода и вооружения — ножницы, висящие замки, кольтуги и др. Ювелирное ремесло представлено большим количеством разнообразных украшений из бронзы, серебра и золота. Клады таких ценных вещей были обнаружены в Крылосе, Старом Збараже, Вербове, Демидове, Боршовке, Козлине, Софиевке. Найдены литьевых форм и шаблонов для производства украшений (Галич, Плиснск и др.) говорят о местном характере ювелирного ремесла. В керамическом производстве широко использовались гончарный круг и горн. Лепная посуда встречается в незначительном количестве вместе с кружальной керамикой. Основной формой был горшок с выпуклыми стенками. Встречаются также: кубки, миски, сковородки, кувшины и т. п., а также плитки для пола (Крылос, Плиснск, Викторов, Звенигород и др.), писанки (Крылос, Плиснск), пряслица. Упадок гончарного ремесла в эпоху между раннеславянскими и раннефеодальными периодами многочисленными исследованиями на территории западных областей УССР не подтверждается.

11. По летописным данным на территории западных областей УССР проживали восточнославянские племена дулёбов (бужан-волынян), хор-

ваторов, на восточных и юго-восточных окраинах этой территории — племена тиверцев, а после 940 г. и уличей. По состоянию современных исследований можно определить приблизительно территорию дулеев; им принадлежат курганные могильники с так называемым волынским типом погребений, который является господствующим на Волыни и в соседних районах Галиции. Хорватам принадлежали курганные могильники с трупосожжением и с инвентарем времени Киевской Руси, расположенные в прикарпатской полосе, там, где в раннеславянский период выступали прикарпатские курганные могильники с трупосожжением. Тиверцам принадлежат бескурганные погребения с трупоположением (так называемые рядовые и подпогиточные), которые характерны для галицкого Подолья по обоим берегам Днестра.

12. Результаты археологических исследований памятников Галицкой и Волынской земель свидетельствуют о ее культурном единстве с другими землями Киевской Руси, бывшей общей исторической колыбелью русского, украинского и белорусского братских народов.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕРКЕССИИ

Т. М. МИНАЕВА

1. Без археологического изучения Черкесской автономной области история населения этой территории не может быть в должной мере осмысlena.

2. Упоминания об археологических памятниках Черкесии связаны с изучением Кубанской области, в частности верхнего течения Кубани и ее притоков.

3. Однако сведения о территории, находящейся в современных административных границах Черкесии, весьма скучны и носят случайный характер. Ни один из памятников не был изучен путем раскопок.

4. В 1949 г. Черкесский областной музей наметил пятилетний план работ по историко-археологическому обследованию Черкесской автономной области. Произведенными по этому плану работами обследованы долины рр. Малого и Большого Зеленчуков и р. Кубани. Обнаружены курганы, курганные и грунтовые могильники, каменные башни, наземные каменные гробницы, древние поселения и городища.

5. Из числа открытых памятников раскопаны: два кургана близ аула Адыге-Хабль, 13 катакомб в могильнике Байтал-Чапкан на южных склонах горы Эльбурган, два кургана в курганном могильнике в верховьях р. Байтал-Чапкан, 57 погребений в грунтовом могильнике близ аула Ново-Кувинского, шесть курганов на городище в устье р. Байтал-Чапкан и значительная площадь на городище Аднюх.

6. Наиболее древними из раскопанных памятников оказались два кургана близ аула Адыге-Хабль. Они дали погребения эпохи бронзы, однородные с теми, какие в значительном количестве исследованы на Северном Кавказе, главным образом в центральной его части.

7. Следующим по времени из раскопанных памятников оказался катакомбный могильник Байтал-Чапкан на южных склонах горы Эльбурган. Датой могильника является конец IV—V вв. н. э. Материалы могильника Байтал-Чапкан совершенно определенно объединяют в одну этническую группу население верховьев Кубани с населением Черкесии. Исследования могильника Байтал-Чапкан показали, что история населения территории современной Черкесии в эпоху раннего средневековья неразрывно связана с историей северокавказских алан.

8. В верховьях р. Байтал-Чапкан на расстоянии 2—2,5 км от катакомбного могильника расположен курганный могильник из 62 насыпей. В нем исследовано два кургана; погребальный обряд и инвентарь этих курганов весьма аналогичны с курганами XIV—XV вв. н. э. близ станицы Белореченской, раскопанными Веселовским в 1896 и 1897 гг. Повидимому, и другие курганные могильники — близ аула Бесленой, в устье р. Кара-Бежгон, близ Зеюко, Эльбурган, Инжич-Чукун — принадлежат той же культуре, приписываемой кабардинцам.

9. В грунтовом могильнике близ аула Ново-Кувинского вскрыто 57 погребений. Все они однородны и датируются XIII—XV вв. н. э.

Наличие курганов типа Белореченских и Ново-Кувинских, совпадающих по времени, но разнохарактерных по культовым традициям и ритуалу, указывает, что уже в ту эпоху население данной территории было нестрым по своему этническому составу.

10. Ново-Кувинский могильник располагается на месте древнего поселения, весьма близкого ко многим другим поселениям, открытым в долинах рр. Большого и Малого Зеленчуков. Тем самым выясняется, что эти поселения возникли до XIII—XV вв. н. э.

11. В 1951 г. начаты раскопки на городище Аднюх. Исследован могильник и остатки христианской церкви, стоявшей на площади могильника. Предварительной датой этого памятника можно считать IX—XII вв. н. э.

**К ВОПРОСУ О СЛОЖЕНИИ КУЛЬТУРЫ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
В ЛЕСОСТЕПНОМ ПРАВОБЕРЕЖНОМ ПОДНЕПРОВЬЕ
(БАССЕЙН р. ТЯСМИН)**

E. F. ПОКРОВСКАЯ

1. И. В. Сталин в своей работе «Марксизм и вопросы языкоznания» указал пути разрешения вопросов этногенеза, разъяснив проблему происхождения и развития языка, как основного этнического признака.

Исходя из этого положения, славянский язык и славянские народы имеют более глубокую древность. Задача археологов заключается в выяснении этих древних корней развития и в дополнении лингвистических и исторических данных результатами анализа вещественных памятников. В связи с этим рассмотрение и изучение памятников скифского времени лесостепного Поднепровья приобретает в настоящее время особенный интерес.

2. В основу сложения культуры раннего железа лесостепного Правобережья легли памятники эпохи поздней бронзы так называемого белогрудовского типа, принадлежавшие местным земледельческим племенам и распространенные на широком пространстве между Южным Бугом и Днепром.

3. Одним из важных признаков, характерных для этой же территории с начала эпохи бронзы, является распространение обряда трупосожжения наравне с обрядом трупоположения. Этот обряд имеет здесь местное происхождение; бассейн р. Тясмин составляет юго-восточную границу его распространения.

4. Связь племен Среднего Поднепровья с племенами лужицкой культуры, этническая близость которых признана советскими историками и археологами, прослеживается в основном в сходстве обрядов погребения (сочетание трупоположения с трупосожжением) и лишь в незначительной степени в отдельных образцах бронзовых изделий и керамики.

5. Значительно четче прослеживаются связи с фракийской культурой, как в керамике, так и в бронзе. Эта связь, наблюдаемая на Правобережье еще в трипольское время, сыграла известную роль и в сложении культуры раннего железа лесостепного Поднепровья.

6. С IX—VIII вв. до н. э. на территорию лесостепного Правобережья начинают проникать предметы быта, украшений, принадлежности конской узды и т. п. кавказского происхождения, свидетельствующие о непосредственных связях обитателей Среднего Поднепровья с Кавказом и Закавказьем, имевшим определенное значение в формировании культуры скифского времени.

7. С переходом на высшую ступень развития, обусловленного применением нового металла—железа, на лесостепном Правобережье получают большое распространение предметы вооружения из бронзы и железа местного происхождения. Одновременно распространяются и предметы

конской узды как местного, так и кавказского происхождения. К этому же времени (VII в. до н. э.) относятся, впервые появляющиеся здесь, предметы вооружения, украшения, конской узды в зверином стиле и другие изделия собственно скифской культуры.

8. Немногочисленность предметов, характерных для собственно скифской культуры VII—начала VI в. до н. э., не позволяет утверждать о глубоком проникновении скифской культуры в Лесостепь в это время. Такое проникновение наблюдается лишь с конца VI в. до н. э.

9. С конца VI в. до н. э. устанавливается торгово-обменная связь Лесостепи с греческими городами-колониями Северного Причерноморья. Несмотря на обилие греческого импорта, греческая культура не имела глубокого воздействия на культуру Лесостепи.

10. Сравнивая культуру бассейна р. Тясмин с культурой всего правобережного Поднепровья, можно сказать, что, несмотря на свои локальные особенности, она не может быть выделена в особый вариант культуры скифского времени. Эта территория представляла собой один из наиболее богатых очагов культуры раннего железа всего лесостепного правобережного Поднепровья в целом.

11. Территория западного лесостепного Поднепровья (в частности, бассейн Тясмина) была заселена нескифскими земледельческими племенами. С самого начала становления здесь культуры раннего железа и в конце рассматриваемого нами периода (конец IX—VI вв. до н. э.), население представляло собой сильное племенное объединение с достаточно высоким уровнем социального и культурного развития и находилось на ступени разложения первобытно-общинного строя.

12. Углубленная проработка археологических памятников всей Лесостепи УССР в целом позволит уточнить и решить вопросы этногеографии племен Геродота, полнее выяснить этническую принадлежность племен Лесостепи и их значение в сложении славянских народов и их культуры.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СКИФИИ

В. А. ИЛЬИНСКАЯ

1. В советской науке установленся взгляд на социальный строй племен Скифии, как на общество, находившееся на последней ступени развития патриархально-родового строя, соответствующего ступени военной демократии по периодизации Ф. Энгельса. В результате распада родоплеменного строя у наиболее развитых в общественном отношении собственно скифских племен происходит сложение классового рабовладельческого общества.

2. Наибольшие разногласия вызывает вопрос о времени и конкретных исторических условиях перехода от первобытно-общинного строя к раннеклассовому строю и сложению государства. Различные взгляды по этому вопросу были высказаны в работах С. П. Толстова, А. П. Смирнова, М. И. Артамонова, Д. П. Калистова, Б. Н. Гракова, В. Д. Блаватского.

3. Для изучения вопросов развития общественных отношений в Скифии особое значение имеет дальнейшая разработка И. В. Сталиным вопроса о базисе и надстройке и закономерностях их взаимодействия в процессе развития общества. «Всякий базис, — говорит И. В. Стalin, — имеет свою, соответствующую ему надстройку»¹. «Если изменяется и ликвидируется базис, то вслед за ним изменяется и ликвидируется его надстройка, если рождается новый базис, то вслед за ним рождается соответствующая ему надстройка»².

4. Появление скифов в Причерноморье и начало борьбы их с киммерийцами связано с крупными этническими передвижениями, происходившими в конце бронзового — начале железного века. Во время переднеазиатских походов VII в. до н. э. скифы выступают как большой, сильный союз племен со сложившейся военной организацией во главе которой стояли вожди-цари. Установился порядок наследования по мужской линии. Существовала значительная имущественная диференциация между племенной верхушкой и рядовым населением.

5. Основу хозяйственной жизни скифских племен составляло кочевое скотоводство с господствующим значением коневодства и овцеводства. Огромную роль в жизни общества играла война, которая «ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом»³. С фюкоренных племен и народов взималась дань. Существовало патриархальное рабство.

¹ И. Стalin, Марксизм и вопросы языкоznания, Изд-во «Правда», 1950, стр. 3.

² Там же.

³ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1948, стр. 185.

Термин «рабство» имел у скифов помимо прямого еще и переносное значение. «Рабами» назывались покоренные, признавшие свою зависимость племена. Двойкий смысл термина «рабство» нужно учитывать при оценке общественных отношений в Скифии.

6. В VIII в. до н. э. в жизни племен Лесостепи еще прочно сохраняются традиции эпохи бронзы. Первые изменения в этот период оказались в появлении укрепленных родовых поселений на южной окраине правобережной Лесостепи (городища чернолесского типа). В VII в. до н. э. здесь впервые обнаруживаются признаки возникающей военной организации (памятники типа Жаботина).

7. Резкие изменения в жизни населения Лесостепи происходят на рубеже VII—VI в. до н. э. В это время по всей южной окраине Лесостепи возникают большие сильно укрепленные городища. В мужских погребениях значительно увеличивается количество вооружения и конского снаряжения скифского типа. Завершается сложение военноморской организации. Эти изменения связаны с установлением господства скифов в степях и сложением причерноморской Скифии.

8. Скифия понимается автором как большое многоэтническое образование, в состав которого, помимо собственно скифов (скифов царских), входил ряд нескифских племен местного происхождения. Основу объединения составляло господство более сильного в военном отношении союза племен над окружающими племенами. Такой вид политической организации описывается Ф. Энгельсом для ирокезской федерации, которая «на вершине своего могущества, около 1675 г., завоевала окружавшие ее значительные пространства, частью прогнав, частью обложив данью их население¹. Подчиненные племена находились в даннической зависимости, но сохраняли самостоятельность во внутренних делах и имели собственные органы власти и свою военную организацию.

9. Общественный строй кочевых скифов времени Геродота имеет все основные черты развитой военной демократии. Эти же черты военно-демократической организации становятся присущими и земледельческим нескифским племенам. Важным фактором развития племен Скифии на этом этапе становится межплеменной обмен и все более крепнувшая меновая торговля с греческими колониями Северного Причерноморья. Под влиянием обмена происходит сглаживание локальных особенностей материальной культуры отдельных племен. Взаимные выгоды межплеменного обмена и торговли с греческими колониями создают основы для экономического сплочения племен Скифии. Торговля с греческими колониями способствует быстрейшему распаду родовых отношений. Вместе с тем следует отметить, что широкий импорт греческой ремесленной продукции в Скифию задержал отделение ремесла от сельского хозяйства — второе крупное общественное разделение труда.

10. В течение IV в. до н. э. во всех явлениях экономического строя и общественной организации наблюдается сочетание черт отживающего патриархально-родового строя и складывающихся отношений классового общества. Родо-племенной строй еще продолжает оставаться внешней формой общественных отношений, хотя основы его уже подорваны растущим разделением труда и ростом частной собственности.

Основу экономической жизни в Степи составляет кочевое скотоводство. Огромную роль продолжают играть войны и связанное с ними обогащение за счет грабежей и сбора дани. Возобновляется военная активность скифов по отношению к соседним племенам. Усиливается эксплуатация оседлого земледельческого населения. Повидимому, имеет место вторжение кочевых скифов в южные районы правобережной Лесостепи.

Развитие частной собственности приводит к сосредоточению огром-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1948, стр. 107.

ных богатств в руках скифских царей и аристократии и к обеднению массы рядового населения, среди которого выделяется неимущая пролетария. Царская власть приобретает черты деспотии.

На степных притоках и старицах Днепра появляются поселения, свидетельствующие о начале процесса оседания скифского населения Степи.

11. Первым центром городского типа в Скифии является укрепленное поселение ремесленников-металлургов на Днепре (Каменское городище). Процесс обособления ремесла в этот период далеко еще не завершился; в то время как металлургическое ремесло на Каменском городище приобрело уже товарный характер, остальные виды ремесел (гончарство, ткачество и др.) оставались в рамках домашнего производства. Ремесленные мастерские были непосредственно связаны с жилищами патриархальных семей. Большую роль продолжало играть производство непосредственных средств существования — земледелие и скотоводство. Обмен оставался преимущественно натуральным. Все это говорит о том, что процесс сложения экономического базиса рабовладельческого общества в этот период еще не закончился. Соответственно с этим не получило завершение деление скифского общества на антагонистические классы.

В истории Скифии IV в. до н. э. является временем перехода от до-классового к раннеклассовому обществу и государствству.

12. С распадом родового строя у скифов произошло ослабление военной мощи, основанной на родовых устоях. Скифы терпят поражение от сарматов,двигающихся с середины III в. до н. э. большими племенными соединениями из-за Дона. Первым следствием падения скифского могущества в Причерноморье явилось выделение из состава Скифии земледельческих племен Лесостепи, развитие которых отныне идет по совершенно независимому от скифов пути.

13. В пределах Малой Скифии, ограниченной степным Крымом и частью степей Нижнего Поднепровья вплоть до Ольвии, на базе перехода к пашенному земледелию и развивающихся по античному пути ремесла и торговли, складывается государство рабовладельческого типа — Скифское царство в Крыму.

14. В отличие от кочевых скифов, распад родоплеменного строя у земледельческих племен в лесостепной полосе привел не к сложению рабовладельческих отношений, а к усилинию экономической самостоятельности патриархальных семей и постепенному сложению на этой основе территориальной сельской общины.

15. После выделения из состава Скифии у племен Лесостепи быстро исчезают все признаки скифской культуры. Восстанавливаются ослабевшие в период скифского господства культурные связи с Северным Прикарпатьем и Повисленьем. Памятниками этой новой эпохи в жизни племен Лесостепи являются поселения и погребения корчеватовско-зарубинецкого типа.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ

И. Г. ШОВКОПЛЯС

1. Территория Среднего Поднестровья чрезвычайно богата памятниками материальной культуры различного времени, начиная от эпохи древнего палеолита (Лука-Брублевецкая). Широкое исследование их началось только после победоносного завершения Великой Отечественной войны.

2. Работами Среднеднестровской экспедиции Института археологии АН УССР и ИИМК АН СССР (1945 г.) было обследовано значительное число ранее известных палеолитических и трипольских памятников и открыто много новых, часть которых оказалась очень ценными для науки, например, раннетрипольское и раннеславянское поселения у с. Лука-Брублевецкая и др.

3. В числе вновь открытых памятников был и небольшой курганный могильник, расположенный на возвышении надпойменной террасы левого берега Днестра, в 1,5 км к западу от с. Лука-Брублевецкая, Каменец-Подольского р-на. Могильник состоял из 8 курганов. В 1947 г. был раскопан курган № 1, в 1949 — № 2, 3, в 1950 — № 4, 5, 6 и 1951 — № 7, 8.

4. Насыпи курганов незначительно (менее 1 м) возвышались над уровнем окружающего пахотного поля и распахивались до самого последнего времени. Лишь в верхней части нескольких насыпей выступали камни, из которых состояла внутренняя часть всех курганов. Слой земли, перекрывавший камни, был невелик — 0,2—0,8 м в направлении от центра к краям. Курганы имели форму овала, вытянутого в направлении ежегодного распахивания с юго-запада на северо-восток.

5. Камни в насыпях курганов были расположены в определенном порядке. По краям и у основания лежали наиболее крупные из них (до 0,6—0,7 м в диаметре); средняя и верхняя части насыпей состояли из мелких и средней величины камней.

6. Курган № 1. Диаметр 10 м, высота насыпи над уровнем поля 0,6 м, высота каменной насыпи около 1 м. В центре насыпи, в могильной яме ниже уровня подошвы кургана находилось четыре скорченных костяка, ориентированных головами на ССЗ и ЮЮВ. При костяках находился круглодонный глиняный черпак с высокой ручкой. В насыпи между камнями обнаружено одиночное впускное погребение в виде разрозненных костей. При нем также находился круглодонный глиняный черпак с высокой ручкой. В насыпи оказались обломки лепных сосудов баночной формы, украшенных расчлененным налепным валиком и проколами по венцу.

7. Курганы № 2 и 3. Диаметр их около 7 м. Групповые, скорченные погребения находились на вымостках из плоских каменных плит. Размеры вымосток 2×1 м, ориентировка ССЗ—ЮЮВ. При погребении в кургане

№ 3 найдено небольшое бронзовое кольцо, а в насыпи — обломок топильного камня (брюска) с отверстием на конце и обломки керамики, принадлежащие к чернолощеным мискам и сосудам баночной формы с орнаментом в виде пояса неглубоких овальных ямок по венчику.

8. Курган № 4 — центральный и наиболее крупный в могильнике. Состоит, вероятно, из ряда первоначально отдельных небольших курганов. Это подтверждается наличием в нем шести отдельных погребений. Диаметр насыпи — 17×15 м, высота около 1 м. В кургане открыто три захоронения на каменных вымостках, одно — на подошве кургана, обложенное камнями, имитировавшими вымостку, одно — в простой грунтовой яме и одно в яме, выложенной по дну и по бокам каменными плитками. Все kostяки скорченные на правом боку; могилы, кроме одной, — групповые, содержащие от двух до шести костяков, ориентированных на ССЗ—ЮЮВ. Хорошо сохранившееся погребение в могильной яме (размер $2,75 \times 1,3$ м), показывает, что покойники были положены в два яруса и два ряда (один у ног другого и одни поверх других). Подобное явление наблюдалось и в ряде других погребений могильника.

В насыпи и около некоторых погребений обнаружены многочисленные обломки лепных глиняных сосудов баночной формы с расчлененным валиком и проколами по венчику, обломки лощеных мисок, а также половина гранитного полированного сверленного топора.

9. Курган № 5. Диаметр 7 м. В центральной части насыпи на подошве кургана среди камней обнаружены разрозненные кости скелета плохой сохранности, среди которых найден обломок бронзового браслета, биконическое прядлище и обломки лепной глиняной посуды. Ввиду отсутствия могильной ямы или вымостки можно полагать, что погребение было впускным и одиночным.

Ниже уровня подошвы кургана, в грунте, на глубине 15—20 см обнаружено небольшое скопление обломков керамики комаровского типа (с параллельными прочерченными линиями и наколами по венчику и плечикам) вместе с одиночными человеческими костями. Они, видимо, принадлежали более древнему погребению, разрушенному при сооружении кургана.

10. Курган № 6. Диаметр 8 м. В насыпи на специальной вымостке из камней находилось групповое погребение из семи скорченных костяков, лежавших в два ряда и в два яруса, как в могильной яме кургана № 4. Среди костей обнаружена бронзовая игла (6,5 см), находившаяся, видимо, в одежде одного из погребенных. Возле костей и в насыпи найдены обломки баночных сосудов, лощеных мисок и небольшой круглодонный черпачок с высокой ручкой. К западу от вымостки, ниже уровня подошвы кургана в яме находился крупный лепной сосуд баночной формы, заполненный пережженными человеческими костями. Сосуд стоял вверх дном и был обложен мелкими каменными плитками. К востоку от вымостки в грунтовой яме находилось одиночное скорченное погребение. Возле пояса костяка лежал плоский точильный камень (брюск) с отверстием на конце.

11. Курганы № 7 и 8 слились между собой краями и переходили один в другой. В них обнаружены четыре групповых и одиночных скорченных погребения на каменных вымостках, а также (в кургане № 8) одно захоронение с сожжением в урне в яме ниже уровня подошвы насыпи.

Урна представляет собой высокий баночный сосуд, украшенный по корпусу налепным прерывчатым валиком. Среди значительного количества обломков глиняной посуды встречаются те же баночные сосуды и лощеные тонкостенные миски.

12. Раскопки могильника показали, что все типы погребений, в том числе и в урнах, встреченные в одних и тех же курганах, относятся к сравнительно непродолжительному времени. Нахождение многих костяков в сравнительно небольших ямах и на вымостках, над которыми нет

провалов в насыпях, дает основание полагать, что покойники помещались в могилы в разное время: каждый новый покойник помещался туда после истлования предыдущего. Такие групповые могилы являлись своего рода склепами, принадлежащими, повидимому, отдельным семьям, а весь могильник — небольшому родовому поселению, остатки которого открыты недалеко от могильника.

Керамический материал и обряд погребений могильника дают возможность отнести его к пред斯基фскому времени и датировать концом VIII — началом VII в. до н. е.

**ПАМЯТНИКИ ЛУЖИЦКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ
ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ УКРАИНЫ**

В. И. КАНИВЕЦ

1. В настоящее время в западных областях Украины известно шесть памятников бесспорно лужицкого характера, группирующихся по обе стороны верхнего течения Западного Буга, и около 10 находок, лужицкая принадлежность которых не вполне достоверна. Систематически, хотя и в небольших масштабах, исследован только могильник у с. Млыныще, Владимир-Волынского р-на, Волынской области.

2. Имеющихся данных недостаточно для полного понимания распространения лужицкой культуры на Волыни, Львовщине и Люблинщине. Можно лишь предполагать, что лужицкая культура и характерные для нее бескурганные могильники с трупосожжениями в урнах появились здесь не ранее IV периода бронзы (XI—X вв. до н. э.), сменив памятники «тщаниецкого» или «северо-комаровского» типа, для которых характерен обряд подкурганного трупоположения в скорченном положении.

3. Наиболее ранним лужицким памятником в западных областях Украины считается могильник у с. Вильхове (бывш. Ульувек), Забужского р-на, Львовской области, датируемый Сулимирским и Костшевским IV периодом бронзы (XI—X вв. до н. э.). Между тем анализ погребального обряда и находок (брраслет, орнаментированный косыми бороздами; неопубликованный сосуд, близкий сосуду из с. Чех (см. Sulimirski, Kultura wysocka, tabl. XIX, 30) показывает, что этот памятник синхронен раннему периоду высоцкой культуры и может быть датирован концом эпохи бронзы (примерно IX—VIII вв. до н. э.). Так называемая ульувекская культура в действительности является западным вариантом ранней высоцкой культуры, очень близкой лужицкой по характеру погребального инвентаря.

4. Насколько можно судить по имеющемуся материалу, между лужицкими памятниками Волыни и Львовщины наблюдаются различия в керамике. Памятники Волыни относятся к среднепольской группе желобчатой керамики и датируются поздней бронзой (IV—V периоды), а памятники Львовщины тяготеют к тарнобжегской группе и могут быть датированы позднейшей бронзой (V период) и ранним железом (VII—V вв. до н. э.).

5. Могильник в урочище Коло озера у с. Млыныще является типичным памятником среднепольской группы желобчатой керамики времени поздней бронзы. К тому же времени и, вероятно, к той же группе волынских памятников можно отнести наиболее выдвинутое на восток лужицкое погребение (быть может, могильник) у с. Вербень, Демидовского р-на, Ровенской области, и урну, найденную у с. Горохово, Волынской области. Обстановка в Западной Волыни в период раннего железа остается неясной из-за недостаточной изученности территории.

6. У нас нет оснований предполагать изменение границ лужицких и высоцких племен на Львовщине на протяжении поздней бронзы и раннего железа. Западнее линии Новый Милятин — Бирка пока встречаются только лужицкие, восточнее — только высоцкие памятники.

7. Коренные различия в материальной культуре и погребальном обряде, существовавшие в конце бронзы и в раннем железе между областью лужицкой культуры и Волынью, могут быть объяснены не этническими причинами, а различием путей исторического развития, различием экономической и военной ориентации отдельных групп населения, обитавшего на границе Центральной и Юго-Восточной Европы. Известное сходство в керамике (так называемая тюльпановидная форма, своеобразный орнамент) и металлических изделиях, а также общность происхождения от культуры «тицинецкого» типа позволяют сближать Волынь и восточную часть лужицкой территории (тарнобжегская, мазовецко-подляшская и среднепольская группы). Возможно, что этнографическая граница, проходящая в лужицкое время несколько восточнее Западного Буга, в действительности не является границей этнической, и население Среднего Поднепровья, Волыни и Повисленья (в прежних границах распространения памятников «тицинецкого» или «северо-комаровского» типа) этнически является древнеславянским.

8. На рубеже гальштатта Д и раннего латена (около 400 г. до н. э.) лужицкие и высоцкие памятники на верхнем течении Западного Буга смешиваются памятниками поморской культуры, распространяющейся с северо-запада. До сих пор в западных областях Украины установлено 11 поморских памятников, один из которых (погребение в каменном ящике у с. Дублян, Львовской области) датирован раннелатенской фибулой.

9. В 1951 г. Ю. Н. Захарук открыл на 1 км южнее лужицкого могильника около с. Млыныце в урочище Довге могильник поморской культуры и произвел на нем небольшие раскопки. Характер инвентаря дает основание датировать его рубежом гальштатта и раннего латена (около 400 г. до н. э.). Керамика поморского типа встретилась также у с. Зимнее, Владимир-Волынского р-на, и с. Дружкopolе, Берестечского р-на, Волынской области. Орнаментация чернолощеных сосудов поморского типа на этой территории находит аналогии в синхронной керамике Калининградской области.

10. В ранне- и среднелатенское время (IV—II вв. до н. э.) характер культуры Западной Волыни изменяется и, повидимому, существенно. Распространяется обряд трупосожжения, а также чернолощеная керамика со своеобразным орнаментом, составляющие впоследствии характерные особенности пшеворской культуры, а отчасти — памятников зарубинецко-корчеватовского и даже раннечерняховского типа (Пражев, Ягниятин).

ПОСЕЛЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА ПОБЕРЕЖЬЕ БУГСКОГО ЛИМАНА

Ф. М. ШТИТЕЛЬМАН

1. История Северного Причерноморья в целом и побережья Бугского лимана в частности в скифскую эпоху представляет собой яркую страницу древней истории нашей Родины. Здесь находился один из главных узлов взаимоотношений земледельческих племен Скифии с греческим рабовладельческим обществом, наложивших свой отпечаток на многие стороны материальной и духовной жизни древнего населения этого края.

2. Глубокому археологическому изучению памятников местного населения Причерноморья долгое время мешали, во-первых, следование старым традициям, выразившиеся в одностороннем увлечении античностью на юге нашей страны и, во-вторых, так называемое «новое учение о языке» Н. Я. Марра, под влиянием которого в значительной мере находилась и археология. Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкоznания расчистили дорогу советским археологам для марксистского, подлинно научного, изучения далекого прошлого.

3. В VII — начале VI в. до н. э. население Бугского лимана достигло значительных успехов во всех областях социально-экономической и культурной жизни. Начинаются регулярные торговые отношения со Средиземноморьем, на правом берегу лимана возникает Ольвия, ставшая крупнейшим центром Северо-Западного Причерноморья.

4. Берега Бугского лимана в скифское время были покрыты густой сетью городищ и поселений, среди которых преобладали открытые поселения. Наиболее исследованными из них являются для раннего времени (VI—V вв. до н. э.) поселение у Широкой балки (южнее Ольвии), для IV—III вв. — поселение у Закисовой балки.

5. Наиболее ранний тип жилищ представлен полуzemлянками прямоугольной и круглой формы, иногда с каменными стенами. Этот тип жилищ является одной из разновидностей жилищ Скифии VI—V вв., отличаясь от них главным образом применением камня, незначительной углубленностью и небольшими размерами.

6. В IV—III вв. основным типом жилищ становится большое наземное каменное здание с более или менее развитым планом, состоящее из нескольких жилых и хозяйственных помещений. Этот тип жилищ представляет собой специфическую особенность поселений побережья Бугского лимана.

7. Лепная керамика прилиманских поселений по своим формам и орнаментации типологически близка керамике скифских поселений, находившихся на обширной территории от Буга до Дона.

8. Кружальная керамика из поселений Бугского лимана аналогична керамике, изготовленной в гончарных мастерских Ольвии, которая и была основным местом ее производства.

9. На побережье Бугского лимана широкое распространение получили привозные сосуды из многих центров античного мира.

10. Хозяйство населения Бугского лимана было сравнительно развитым и довольно многосторонним. В основе его лежало сельское хозяйство с главными его отраслями — земледелием и скотоводством, сочетавшееся с рыболовецким промыслом и охотой. Значительное место в хозяйстве занимали различные ремесла, находившиеся в основном на стадии домашнего мастерства, хотя в некоторых случаях можно, видимо, говорить и о ремесле, отделившемся от земледелия.

11. В экономике населения побережья Бугского лимана значительное место занимала торговля с Ольвией, а через нее — с греческими городами. Характерная особенность торговли Ольвии с приливанным населением, отличавшая ее от торговли со Скифией вообще, нашла свое выражение в постепенном вытеснении меновых отношений товарно-денежными.

12. Поселения, расположенные в непосредственной близости от Ольвии, составляли ее сельскохозяйственную округу и, очевидно, представляли с ней единое целое не только в хозяйственном, но и в политическом отношении.

13. В археологическом материале из поселений побережья Бугского лимана отчетливо видно слияние двух элементов — скифского и греческого, что отражает исторический процесс скрещивания двух культур — местной и пришлой. Это и явилось той характерной особенностью быта и культуры населения этого района, которая давала основание древним авторам считать население побережья Бугского лимана эллино-скифами.

Обитателями многочисленных поселений Бугского лимана, очевидно, и были каллипиды — эллино-скифы — миксэллины, которые ближе других скифских племен стояли к рабовладельческому обществу.

НАСЕЛЕНИЕ ОЛЬВИИ ДОГЕТСКОГО ПЕРИОДА ПО ДАННЫМ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Т. Н. КНИПОВИЧ

1. Проблема состава населения Ольвии остается до сих пор весьма слабо освещенной в исторической и историко-археологической литературе. Как и многим другим сторонам жизни Ольвии, наибольшее внимание уделял этой проблеме В. В. Латышев. Его монография «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии» (СПБ, 1887), как и его комментарий к ольвийским надписям (ИРЕ, I², 1916), содержат большое количество ценных наблюдений, так или иначе связанных с вопросом о населении Ольвии. Но наблюдения эти нигде не приведены в цельную систему и очень мало использованы для каких-либо заключений общего характера. Еще меньше было сделано в этой области другими исследователями. Большое значение, которое имеет правильное представление о социальном и этническом составе населения, при попытке воссоздания истории культуры Ольвии, заставляет включить изучение населения Ольвии в число обязательных и основных задач.

2. Работа по выяснению состава населения Ольвии должна производиться на основе комплексного изучения источников — свидетельств античных авторов, эпиграфического и археологического материала. Значение указанных видов источников для данной темы неодинаково. В текстах античных авторов имеется лишь одно, хотя и очень яркое свидетельство о населении Ольвии,—это так называемая Бориофенитская речь Диона Хрисостома; источник этот имеет большую ценность, но лишь для определенного, притом сравнительно позднего времени. Гораздо обильнее данные, содержащиеся в эпиграфических памятниках. Источником наших сведений о населении Ольвии являются здесь имена ольвиополитов: они дают ценный материал для представления об этнических группах, входящих в состав населения Ольвии. Задачей настоящей работы и является обзор всех данных, выясняющихся по вопросу об ольвийском населении при исследовании имен ольвиополитов, содержащихся в эпиграфических памятниках; обширность работы заставляет сообщить в данном докладе лишь первую ее часть, посвященную догетскому периоду (V—I вв. до н. э.).

3. Основным материалом, на котором основана данная работа, являются опубликованные надписи. Большую их часть представляют лапидарные надписи; значительно меньше группа надписей на свинцовых пластинках и на керамике. К опубликованным памятникам присоединяется ряд неизданных; содержащиеся в них имена не включены в приложенный к работе список, но в тексте работы частично использованы и эти документы.

4. Для правильных исторических выводов интересно выяснить, с какими социальными группами ольвийского населения мы встречаемся в рассматриваемых памятниках. Среди лиц, упоминаемых в лапидарных

надписях, бесспорно преобладают представители верхушки ольвийского общества. Это прежде всего лица, занимавшие высшие городские должности (архонты, жрецы-эпонимы, члены коллегии Семи, гимнасиархи и др.) или выполнявшие ответственные поручения, как например, участие в посольстве к царю Сайтафарну. В ту же категорию войдут лица, о состоянии которых свидетельствуют факты посвящения ими божеству дорогостоящих предметов или осуществления на личные средства какой-либо общественной постройки. Но есть также и такие случаи, когда упоминаемые в надписях данного времени лица принадлежат, вероятно, другим слоям общества. Так, выделяется группа надгробий — простых, сделанных не из мрамора, а из известняка памятников с указанием только лишь имени погребенного. Еще более интересна в указанном отношении группа надписей на свинцовых пластинках: они вводят нас в частную жизнь уже не верхушки, а рядового городского населения, о чем ясно свидетельствует само содержание этих памятников.

5. Имена, содержащиеся в памятниках двух указанных групп, дают возможность составить два списка: 1) список ольвиополитов, где для каждого лица указывается полное имя в том виде, в каком мы встречаем его в надписи, занимаемое им положение (или выполняемые им те или иные функции) и дата документа, где упоминается данное лицо; 2) список личных имен, употребляемых в Ольвии V—I вв. до н. э., с обозначением того, в каких надписях встретилось то или иное имя, что дает возможность выяснить, насколько употребительным было данное имя. Поскольку работа преследует цель выяснения именно ольвийского населения, в список личных имен не вводятся имена иностранцев.

6. Преобладающим типом имени является греческий тип, где указывается личное имя с именем отца в родительном падеже. Менее, но все же распространенными являются имена, где указывается одно лишь личное имя. Оба указанных типа встречаются и в лапидарных надписях, в надписях на свинцовых пластинках и керамике; но в первой группе преобладает тип личного имени с именем отца, во второй — только личные имена. Почти все имена — мужские; женских в изданных надписях догетского периода встретилось всего два. Из женских имен одно принадлежит типу личного имени с именем отца в родительном падеже, другое воспроизводит обычный в античности способ обозначения женщины по отцу или мужу, здесь — то и другое одновременно.

7. Заслуживает внимания значительное количество случаев, когда указывается одно лишь личное имя, без имени отца. Возможное предположение, что обозначение некоторых лиц одним лишь личным именем объясняется иным, более низким социальным положением этих лиц. приходится отвергнуть, так как среди этих лиц встречаются представители высших слоев ольвийского общества. Приходится констатировать, что в догетский период в надписях, даже в тех из них, которые являлись официальными документами, еще не установился так определенно, как это имеет место позднее, обычай именовать ольвийских граждан личным именем с именем отца в родительном падеже. В надписях догетского периода отражен, очевидно, тот обычай, который существовал в обыденной жизни; он не являлся особенностью только причерноморских городов, но был распространен повсеместно в античном мире, что легко может быть прослежено в произведениях греческих авторов.

8. В отношении этнического происхождения упоминаемых в надписях догетского периода имен ольвийцев наблюдается поразительная однородность. В лапидарных надписях данного времени встречается только одно вполне выраженное негреческое имя: это фракийское имя Σπάρτοχος в надгробии IV в. до н. э. (IPE, I², № 214). Второе имя Βάταχος в списке граждан (IPE, I², № 201) уже не является настолько бесспорным — мне-

ния исследователей о нем расходятся. К числу негреческих имен относится также имя 'Ατάχτς на свинцовой пластинке IV в. до н. э.; из неизданного материала к числу негреческих имен следует отнести также имя Κολούδαχτς, прочерченное на стенке сосуда IV в. до н. э. Все остальные упоминаемые в известных нам надписях имена, за исключением одного, пока остающегося неясным, являются типичными греческими.

9. Из греческих имен в ольвийских надписях V—I вв. до н. э. подавляющее большинство представляют имена, распространенные также и в других областях античного мира. Очень невелика группа греческих имен, для которых пока неизвестны точные повторения в надписях других областей Греции. Однако и эти имена совершенно ясны по входящим в их состав частям; не встречая точных повторений, все они имеют близкие аналогии. Среди греческих имен, бывших в Ольвии особенно излюбленными, есть ряд имен, распространенных в античных областях повсеместно и значительно; но есть и такие, которые, являясь малораспространенными в других местах, встречаются в Ольвии особенно часто. Из таких имен особенно характерны имена Εύρηβίος и Ποσεΐδεος.

10. Если по отношению ко многим именам приходится воздержаться от попыток установления их связи с какими-либо городами или областями античного мира, то известную и очень характерную группу мы все же можем в них выделить. Эту группу составляют имена ионийские, наиболее ясно прослеживаемые в ранних надписях ионийских городов, прежде всего в Милете. Все эти имена имеют в ольвийских надписях типичные ионийские диалектологические особенности. Являясь особенно характерными для раннего периода, они продолжают встречаться и в надписях, принадлежащих эллинистическому времени. Ионийское происхождение Ольвии, ее связи с ионийскими городами, не прекратившиеся и в более позднее время, наложили яркий отпечаток на культурный облик этого города.

11. Поскольку изданными в сколько-нибудь значительном количестве являются только лапидарные надписи и надписи на свинцовых пластинках, изложенные в настоящем докладе наблюдения основаны на материале этих двух групп. Очень важная группа так называемых graffiti не может быть надлежащим образом использована, так как эти надписи изданы лишь в очень небольшом количестве: привлечены были только ольвийские graffiti эрмитажного собрания. В этом материале повторяются изложенные выше особенности — бесспорное преобладание греческих имен, распространение ионийских имен; повторяются и наиболее излюбленные имена. Некоторые из имен в ольвийских graffiti представляют специальный интерес.

12. В результате просмотра ольвийских надписей V—I вв. до н. э. можно сделать вывод о громадном преобладании греческих имен над негреческими; указанное явление наблюдается во всех группах надписей, оно распространяется на весь доджетский период. Однако было бы едва ли правильным делать на основании этого вывод о чисто греческом (или почти чисто греческом) составе населения Ольвии данного периода. Не исключена возможность, что греческие имена могли носить также и некоторые представители местных племен: для более позднего времени такие факты известны вполне определенно. Кроме того, не все группы ольвийского населения могли найти отражение в надписях. В составе рядового городского населения могли быть лица, которые не были греками, плохо знали греческий язык, отличались от греков своими обычаями и не оставили о себе памяти ни в лапидарных надписях, ни в надписях более частного характера, как например, свинцовые пластинки. Обнаружить наличие таких лиц можно уже не путем поисков негреческих имен в надписях, а посредством привлечения археологического материала. Фактами, свиде-

тельствующими о наличии негреческих элементов в составе населения Ольвии дагетского периода, являются, во-первых, наличие в городском некрополе погребений с выраженным негреческим ритуалом, во-вторых, местные черты в некоторых отраслях ольвийского производства, позволяющие предположить участие в этих отраслях мастеров-скифов.

13. По вопросу о том, какую роль играл местный элемент населения Ольвии в политической и общественной жизни города, следует прежде всего указать, что надписи никак не отражают присутствия негреческого населения в составе правящей верхушки. Полное отсутствие негреческих имён среди имён архонтов, жрецов, членов коллегий и других должностных лиц приводит к заключению о том, что негреческая прослойка не входила сколько-нибудь заметно в состав социальной верхушки города. Труднее решить вопрос о том, насколько многочисленна была вообще эта негреческая прослойка в V—I вв. до н. э. Сопоставляя все имеющиеся данные, следует считать не подлежащим сомнению самый факт наличия в Ольвии данного периода негреческого населения; но едва ли может итти речь о его преобладании, даже о его количественном равенстве греческому населению.

14. Все отмеченные особенности, выясняющиеся при ознакомлении с именами ольвийцев дагетского периода, выступают еще ярче при сопоставлении их с данными, касающимися более позднего периода (I—III вв. н. э.). В надписях I—III вв. н. э. не только резко возрастает количество негреческих имён, но эти имена становятся преобладающими; при этом наиболее многочисленную группу составляют ольвиополиты, носящие имена негреческие в обоих их частях (личное имя и отчество). Значительное увеличение негреческих имён в надписях Ольвии первых веков н. э. является ярким подтверждением правильности известного свидетельства Диона Хрисостома о толпах варваров, нахлынувших в восстановленные после гетского нашествия города. Местные элементы в составе ольвийского населения не только становятся в это время весьма многочисленными,— они играют видную роль в общественной и политической жизни города, занимая высшие правительственные должности архонтов, стратегов, агораномов, руководя работой верховых правительенных органов.

К ВОПРОСУ О ЛИТЕЙНОМ РЕМЕСЛЕ ОЛЬВИИ

А. И. ФУРМАНСКАЯ

1. Углубленная разработка товарищем Сталиным в труде «Марксизм и вопросы языкознания» вопроса о базисе и надстройке ставит перед археологами конкретные пути изучения этого одного из самых важных вопросов марксизма.

Правильное понимание взаимоотношений производства, базиса и надстройки в древности основано на изучении конкретного археологического материала. Значительное место в выяснении этих взаимоотношений занимает изучение остатков ремесленных производств.

2. Экономика городов Северного Причерноморья изучена недостаточно. Только всестороннее изучение массового материала, остатков строительных и производственных комплексов, предметов искусства и ремесла, некрополей этих городов и их окружения выявит особенности экономики и культуры городов Северного Причерноморья и их взаимоотношения с местным населением.

3. Изучение ремесел городов Северного Причерноморья и в частности Ольвии опровергает установленное ранее представление о преобладающем значении посреднической торговли в экономике этих городов.

Памятники местного ремесла убеждают в том, что города Северного Причерноморья были и значительными ремесленными центрами.

4. С самого начала своего возникновения Ольвия представляла собой большой производящий и торговый центр Северного Причерноморья. Остатки производственных комплексов VI—V вв. до н. э., большое количество изделий этого времени (зеркала, ременные бляхи, предметы вооружения и конского убора) свидетельствуют о развитом литейном ремесле Ольвии уже со второй половины VI в. до н. э.

5. Изделия литейного ремесла Ольвии этого времени имели широкое распространение от Поднепровья до Прикарпатья, Венгрии, Семиградья на западе, Поволжья и Приуралья на востоке и до Северного Кавказа на юго-востоке.

6. Художественные изделия литейного ремесла VI—V вв. до н. э. исполнены в своеобразном, созданном в Ольвии стиле. Стиль этот сочетал в себе элементы греческой и скифской культур.

7. С конца IV, в III и II вв. до н. э. размеры сильвийского металлического производства значительно сокращаются.

Изделия, отливавшиеся в литейных формах этого времени, свидетельствуют о небольшом удельном весе литейного ремесла в хозяйстве Ольвии и об уменьшении роли Ольвии в торгово-обменных сношениях с населением Северного Причерноморья. Находки медных частей форм для литья стрел, большое количество находок бронзовых стрел IV—III вв. до н. э. указывает на их массовое литье, связанное, возможно, и с усилившимися столкновениями окружающих племен с Ольвией.

8. Находки шлаков в слоях нижнего города Ольвии, единичные находки литейных форм, находки изделий бытового хозяйственного назначения, предметов туалета и украшения говорят о наличии литейного ремесла и в первые века н. э. На художественные изделия ремесла этого времени оказала влияние новая этническая среда — сарматы, заселившие со II в. до н. э. Причерноморские степи.

9. Остатки производственных комплексов, находки литейных форм, эпиграфические памятники свидетельствуют о том, что мастерские были расположены в центральных частях города. Литейная мастерская не была отделена от кузнечной. Ремеслом в основном занимались свободные ремесленники.

Данные о медных разработках в древности близ Кривого Рога и балки Большой Дубовки разрешают предположить и привоз медных слитков в Ольвию из этих мест. Последнее обстоятельство не исключает также привоза металла (золота, меди и др.) из тех мест, куда попадали ольвийские изделия, а также из Малой Азии.

10. Развитие литейного ремесла Ольвии было связано с общим состоянием экономической и культурной жизни города. Металлообрабатывающее ремесло занимало ведущее место в экономике города на протяжении почти всего тысячелетнего существования последнего, поскольку изделия ремесла являлись предметами внутренней и обменной торговли Ольвии с населением Северного Причерноморья.

11. Специфичность металлического ремесла античного мира, обусловленная рабовладельческим способом производства, характерна и для античных городов Северного Причерноморья. Она заключается в том, что металл лишился частично шел на изготовление необходимых орудий труда, а большая часть его шла на изготовление предметов роскоши (туалета, украшения) и оружия. Из орудий труда в Ольвии найдено несколько обломков серпов, из бытовых предметов — железные ножи с костяными ручками, из меди — мелкий ремесленный инструмент: рыболовные крючки, шилья, крючки для вязания сетей, из свинца — пряслица. В силу хотя бы этого, изделия ремесла городов не могли оказать какого-либо существенного влияния на развитие производительных сил местного населения не могли задержать развитие местного ремесла.

Предметы металлического ремесла, как и художественная керамика, приобретались выделившимся зажиточной верхушкой местного общества. Основная масса населения оставалась вне всякого воздействия культуры городов Северного Причерноморья.

Торгово-обменные связи Ольвии с населением Северного Причерноморья в какой-то степени способствовали ускорению процесса разложения первобытно-общинного строя последнего.

12. Анализ изделий литейного ремесла, предназначенных для вывоза, нахождение этих изделий, а также предметов вооружения в Ольвийском некрополе свидетельствуют и о влиянии культуры населения Северного Причерноморья на различные стороны жизни населения Ольвии, что было обусловлено ее зависимостью от окружающего мира во всем направлении своей экономической и политической жизни.

**ИТОГИ ИЗМАИЛЬСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН УССР ЗА 1947—1950 ГГ.
И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ ДАЛЬНЕЙШИХ РАБОТ**

Л. Д. ДМИТРОВ

1. Измаильская археологическая экспедиция Института археологии АН УССР в 1947—1950 гг. произвела ряд раскопок на территории г. Белгорода-Днестровского и в некоторых других пунктах Измаильщины.

2. В результате работ экспедиции на территории г. Белгорода-Днестровского выявлен широкий комплекс строительных остатков жилищных, хозяйственных и производственных сооружений, принадлежавших к трем основным периодам существования здесь городского поселения — Тиры, Белгорода и Четата-Алба, переименованной турецкими захватчиками в Аккерман. Эти раскопки открыли совершенно новые страницы в истории многовекового существования города.

3. В раскопе *A* на площади около 3000 м² выявлен квартал города первых веков н. э. с городской улицей, под которой был проведен монументальный водосток. По обеим сторонам улицы был сооружен ряд зданий, в одних из которых обитали жители города, а в других размещались их ремесленные мастерские или другие службы хозяйственного назначения.

4. Выявленные в некоторых местах раскопа *A* сооружения были перекрыты жилыми и производственными сооружениями более позднего времени — XIII—XV вв. н. э. В процессе раскопок в северо-восточной части раскопа *A* обнаружен могильник XVI—XVIII вв. н. э., также перекрывавший собою находившиеся на этом месте более древние строительные остатки античной Тиры, славянского Белгорода и молдавской Четата-Алба.

5. В первом дворе древней Белгород-Днестровской крепости был заложен раскоп *B*, выявивший архитектурные остатки древней Тиры — V—IV вв. до н. э.

6. При раскопках обнаружен многочисленный и разнообразный инвентарь: керамические фрагменты, изделия из металла, кости, стекла, монеты и др., а также многочисленные остеологические остатки, относившиеся к трем упомянутым выше основным периодам существования города.

7. Во время работ экспедиции на территории некрополя Тиры, близ совхоза Салганы, была выявлена и обследована редкая древняя гробница, высеченная в скале на берегу Днестровского лимана. По типу своего сооружения она аналогична гробнице, открытой в 1895 г., и известна в археологической литературе под именем Скифской могилы.

8. Все выявленные экспедицией материалы и памятники с несомненностью доказывают настоятельную необходимость продолжения систематических планомерных стационарных работ по исследованию городища и

некрополя г. Белгорода-Днестровского с его ближайшими окрестностями, а также археологического изучения всей территории Измаильщины.

9. В интересах охраны существующих в г. Белгороде-Днестровском древних монументальных архитектурных сооружений и вновь открываемых археологических памятников, а также содержания их в экспозиционном состоянии, необходимо на основании существующих законоположений об охране памятников в срочном порядке организовать на территории древней Белгород-Днестровской крепости с крепостной площадью, Скифской и Салганской могилами государственный историко-культурный заповедник всесоюзного значения.

ЗОЛОТОБАЛКОВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

A. В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

1. Золотобалковское поселение расположено у северной окраины с. Золотая Балка на надпойменной террасе и по склону от плато к этой террасе, по обеим сторонам Крутой балки, ограничивающей северную окраину села. Меньшая, северная, часть поселения находится на пустыре, а большая, южная,— под усадьбами крестьян.

2. Золотобалковское поселение представляет собою поселение открытого типа, поселения же, расположенные ниже по Днепру, относящиеся, в основном, к этому же времени, представляют собою укрепленные городища. Это обстоятельство вызывает особый научный интерес. Поэтому исследование Золотобалковского поселения одновременно с исследованием Гавриловского городища, находящегося несколько ниже по Днепру, ставят одной из своих задач установление причин этого различия.

3. Раскопки в 1951 г. на Золотобалковском городище производились к северу от Крутой балки по берегу Днепра (участок *А*) и на склоне плато (участок *Г*), а к югу от Крутой балки — на правом ее берегу (участок *В*) и по берегу Днепра (участок *Б*).

4. На участке *А* были обнаружены три каменных складских помещения, один каменный жилой дом и несколько небольших жилых помещений, построенных из глины и камня. На участке *Г* исследовано большое каменное жилое помещение, а также жилое помещение, три стены которого были сложены из глины, а четвертая — из прутьев, обмазанных глиной. На правом берегу Крутой балки (участок *В*) исследовано каменное здание, возможно культового назначения, сооруженное возле зольника, а по берегу Днепра (участок *Б*) — большое каменное складское помещение.

5. Все складские каменные помещения были расположены по берегу Днепра, имели четырехугольную форму, большие размеры, земляные полы и выходы к югу. Они не имели отопительных сооружений и на полу не содержали никаких культурных остатков.

6. Жилые помещения были двух типов: большие каменные, четырехугольной формы с выходами к югу и очагами посредине здания и небольшие, сделанные из глины и камня, с земляными полами. В одном из помещений первого типа был глинобитный пол. У одного помещения второго типа западная стена была сооружена из прутьев, обмазанных глиной, в трех зданиях у очагов были вкопаны большие сосуды лепной работы; различный бытовой инвентарь располагался, в основном, вокруг очагов.

7. Основная масса культурных остатков представлена лепной керамикой — это очень большие сосуды, горшочки, плошки, светильники, гирьки, пряслица и т. д. Встречаются лощеные сосуды, орнаментированные валиком и шишечками, и глубокие миски особой формы. Привозная керамика представлена различной формы амфорами, краснолаковыми и

коричневолаковыми сосудами и светильником. Особый интерес представляют изделия из глины, на концах которых имеются головки животных (коней и баранов), совершенно неизвестные среди культурного инвентаря городов-колоний Причерноморья, но весьма характерные для поселений Средней Азии, Кубани, Закавказья и т. д.

Культурные остатки, найденные в зольнике, идентичны с инвентарем поселения вообще. Остальной инвентарь представлен зернотерками, растиральниками, оселками, железными ножами, железным рыболовным крючком, костяными шильями, бусами; был найден один фрагмент от стеклянного сосуда.

8. На участке *A* обнаружен слой и более древний, отделенный от верхнего слоя стерильной прослойкой мощностью 0,2—0,3 м (в 1951 г. не исследовался).

9. Остатки каменных сооружений дают возможность уяснить строительную технику того времени и архитектурное оформление зданий.

10. Археологический материал, добытый на этом поселении, дает возможность датировать его временем от II в. до н. э. до I в. н. э.

11. На территории поселения был обнаружен могильник эпохи бронзы со скорченными погребениями под каменными закладками и кромлехи. Возле одного костяка оказалась бронзовая пуговица с ушком, спиральная серьга и спиральные пронизи. На поселении были найдены и кремневые изделия и фрагменты сосудов неолитического времени.

12. Поселение представляет большой научный интерес, исследование его продолжалось в 1952 г.

ИЗУЧЕНИЕ САРМАТСКИХ ПЛЕМЕН СТЕПНОЙ УКРАИНЫ*М. И. ВЯЗЬМИТИНА*

1. Проблема сарматских племен, бывших в течение шести столетий непосредственными соседями славянских племен, имеет большое значение для изучения древнего периода истории народов СССР и выяснения процесса формирования их культуры.

2. Термин сарматы, введенный в литературу греко- античными писателями, как собирательное наименование для населения, обитавшего к северу от побережья Черного моря, требует раскрытия его этнического содержания, что можно сделать только археологическим путем.

3. Наличие в сарматских именах большого количества иранских корней дало основание ряду исследователей говорить об иранской основе сарматского языка и отнести его к северо-иранской группе индоевропейских языков. Однако это положение нуждается в дальнейшем уточнении и конкретизации.

4. Образование в IV—II вв. до н. э. в Задонско-Поволжских и Приуральских степях крупных племенных объединений, представлявших собой большую военную и политическую силу, ускорило процесс передвижения сарматских племен в Причерноморские степи. Массовый и организованный характер этого передвижения приобретает со II в. до н. э.

5. Из крупных сарматских племен, история которых античными источниками связывается со степями Северного Причерноморья, нам известны языги, роксоланы и аланы. Археологическое изучение сарматских памятников на территории степной Украины позволяет сделать вывод о передвижении сюда в последние века до н. э. ряда сарматских племен из Поволжских степей, и определить следы пребывания некоторых из них. Сарматские памятники, имеющие черты определенного сходства с саратовской группой, связываемой с роксоланами, в наибольшем количестве выявлены в верхнем течении Северского Донца, по обеим берегам нижней части Днепровской луки и больше всего — в долине р. Молочной, у с. Ново-Филипповка, где, повидимому, находилось средоточие этих племен. Памятники более позднего времени, частично связываемые с аланами, обнаружены в основном в бассейне верхнего течения Северского Донца, частично по границе Лесостепи и в песках нижнего Днепра.

6. Включение сарматских племен в сферу хозяйственной деятельности причерноморских городов, рост скотоводства и усложнение его земледелием способствовали оседанию части сарматских племен и возникновению у них постоянных поселений. Сарматские поселения на территории Украины археологически четко еще не выявлены. Но, исходя из сообщений Плиния и Птолемея, с полной вероятностью можно ожи-

дать их нахождения и здесь. Это получило уже свое частичное подтверждение в работах последних лет. Особый интерес, в связи с движением сарматов, представляют городища низового Днепра, раскопки некоторой части которых в 1951 г. дали ряд интересных материалов, впрочем, еще далеко не достаточных для решения поставленной проблемы. Густая сеть земледельческих поселений, возникших в это время вдоль берегов Ингульца, Буга и Днестра, требует еще своего дальнейшего изучения и выделения из основной группы памятников местного населения — памятников, принадлежащих сарматам.

7. Анализ памятников материальной культуры сарматских племен свидетельствует о разнообразном ассортименте предметов, связанных с военным делом, бытом и культом, и о большой роли, которую в этом ассортименте играли импортные вещи, идущие в основном из ближайших причерноморских центров — Ольвии и городов Боспора. Важное значение в этом отношении приобретает изучение местного литейного и керамического производства в этих центрах. Особый интерес вызывают некоторые формы лепной глиняной посуды, бытовавшей у сарматов в бассейне р. Молочной, несомненно имеющие определенную связь с местными традициями гончарного производства. Отмечается ряд форм поволжского и кубанского происхождения.

8. Общественное развитие сарматских племен происходило не везде равномерно. Часть сарматских племен была слабо объединена и жила раздробленно, другая часть уже объединилась в крупные союзы племен. Основные группы сарматского населения состояли из кочевого и полукочевого — полуземледельческого населения, в хозяйственной жизни которых главную роль играло кочевое скотоводство и военные походы. В состав этого населения входили и военнопленные рабы. Привилегированная верхушка слагалась из военных дружин во главе с верховным вождем — царем. Общественное устройство у сарматов приняло форму военной демократии. У них еще в первые века н. э. сохранились некоторые пережитки матриархата.

9. В религиозных воззрениях сарматских племен основную роль играло, как и у скифов, поклонение богу войны — мечу, великой ботине матери и различным силам природы. Большое значение имел культ предков.

10. Особенностью художественного оформления бытовых предметов у сарматов, главным образом на более позднем этапе развития, является так называемый полихромный стиль. Совершенно несостоительное мнение о якобы готском его происхождении.

11. Важное место в изучении сарматских племен занимает вопрос об их взаимоотношениях со скифами, местными земледельческими племенами и с населением причерноморских городов. В это время значительно расширились торговые и культурные связи сарматов с различными центрами античного мира, с придунайскими странами и с кругом восточных и юго-восточных стран. Оседание сарматских племен по долинам рек и вокруг городов Северного Причерноморья усложнило этнографическую карту этой территории. Особенно большой приплив сарматов наблюдается в причерноморских городах в первые века н. э., что способствовало сарматизации последних. Это выражалось в применении военной тактики сарматов, в распространении их вооружения, особенностей костюма, бытового инвентаря. Часть сарматских племен, проникших за границы Лесостепи, подверглась, повидимому, ассимиляции славянскими племенами.

12. Продвижение сарматских племен в Причерноморские степи и вытеснение ими господствовавших там до того времени скифов способствовало более быстрой консолидации славянских племен и возникновению у них крупных племенных объединений во главе с анатами. В лице сарматов славянские племена нашли активных союзников в

борьбе с римской экспансией и с местными рабовладельцами причерноморских городов. Наладения сарматских племен на римские пограничные укрепления заложили собою начало той общей борьбы «варварских» племен с Римом, которая закончилась гибелью рабовладельческого Рима, а вместе с ним — и рабовладельческого строя в Северном Причерноморье и переходом к новому строю — феодальному.

13. Одна из важнейших задач, стоящих в настоящее время перед исследователями сарматских племен на территории УССР, состоит в том, чтобы, преодолев вредные последствия антиисторической «теории» Н. Я. Марра, выявить локальные группы сарматских памятников и, руководствуясь указаниями И. В. Сталина в его работе «Марксизм и вопросы языкоизнания», выделить те из них, которые можно связать с определенными этническими группами, принадлежащими конкретным сарматским племенам, выяснив их своеобразные особенности и их роль в формировании культуры народов СССР. Особой разработки требует также проблема взаимосвязей сарматов с их соседями и, в первую очередь, с древнеславянскими племенами.

САРМАТСКИЙ МОГИЛЬНИК У с. УСТЬ-КАМЕНКА

E. V. MAXNO

1. Вопрос о сложении славянских объединений не может решаться вне связи с вопросом об участии в этом процессе иноязычных компонентов.

Сарматы, как ближайшие соседи славян, должны были занимать в этом процессе определенное место.

2. Для решения этого очень сложного вопроса советская археологическая наука еще не имеет достаточного фактического материала и поэтому накопление фактов, в особенности относящихся к изучению юга Украины (где до последнего времени почти не известны были памятники сарматов), является одной из очередных задач советской археологии.

3. Археологические работы на Днепре и Молочной, связанные со строительством Каховской гидроэлектростанции и Южно-Украинского канала, дают в распоряжение археологов щедрый документированный материал, который в какой-то степени начинает пополнять наши знания о сарматах. Определенное место здесь принадлежит и Усть-Каменскому могильнику.

4. Типы погребений Усть-Каменского могильника и сопровождающий их основной инвентарь находят определенные аналогии в сарматских памятниках Поволжья — Подонья.

5. Основным типом погребений здесь является погребение в подбоях с узкой впускной ямой. Кроме этого, есть погребения в прямоугольных и квадратных ямах.

6. Инвентарь мужских погребений состоит главным образом из чеканковых трехгранных железных стрел, встречаются изредка оселки, бронзовые и железные пряжки, в одном погребении найден кинжал.

В женских погребениях встречаются бусы, проволочные фибулы с подвязанной ножкой, браслеты и другие украшения, предметы туалета, а также посуда (главным образом, кувшины). Встречаются, кроме этого, погребения без инвентаря. Инвентарь позволяет датировать могильник временем рубежа н. э. — первыми двумя веками н. э.

Все погребения, кроме безинвентарных, сопровождают кости мелких животных, около которых неизменно находится железный нож.

Неясными остались погребения с разрушенными, разбросанными по яме скелетами, которые составляют $\frac{1}{3}$ общего числа погребений.

7. Особого внимания заслуживает посуда, фиксирующая широкие связи сарматов со славянским и античным миром.

8. Небольшой материал из Усть-Каменского могильника может быть одной из иллюстраций к вопросу о взаимопроникновениях сарматской и славянской культур, об ассимиляции славянскими племенами сарматов.

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬ МАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СЕВЕРОПОНТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

Доступные нам данные о непосредственном производителе материальных благ в сельском хозяйстве северопонтийских государств относятся главным образом к Боспору и Херсонесу.

На Гераклейском полуострове существовали хозяйства, организованные согласно правилам рабовладельческой системы. Число работников в гераклейских клерах колебалось примерно от 2 до 40. Относительно их этнического состава можно предполагать, что значительную часть гераклейских рабов составляли тавры. В некоторых сезонных работах, особенно в сборе винограда, принимало участие и свободное население, в том числе жители самого города Херсонеса.

По сравнению с однотипным хозяйством Херсонеса, организация труда в сельском хозяйстве Боспора была разнообразнее и сложнее. В древнейшую эпоху там несомненно имели место мелкие производители — крестьяне. В IV в. до н. э., нужно думать, такие производители не исчезли, но наряду с ними существовали и другие формы организации сельского хозяйства. В районе Феодосии можно предполагать наличие средних по размерам рабовладельческих хозяйств.

Местное земледельческое население Таманского полуострова и низовьев Кубани и после включения этих территорий в состав Боспорского государства продолжало сохранять свои племенные особенности. Работая на своей земле, они были зависимыми землепашцами, платившими дань натурой.

В сарматскую эпоху на Боспоре наблюдается усиление роли зависимых землепашцев в сельском хозяйстве, с чем, вероятно, связан массовый отпуск рабов на волю.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА В БАССЕЙНЕ р. МИУС (ПРИАЗОВЬЕ) В 1949 И 1950 ГГ.

П. И. БОРИСКОВСКИЙ

1. Исследования памятников каменного века в Приазовье были организованы Институтом археологии АН УССР при участии Института истории материальной культуры АН СССР и состояли из следующих трех разделов: а) раскопок Амвросиевского палеолитического костища, б) раскопок Амвросиевской палеолитической стоянки, в) археологических разведок по течению рек Крынки и Миуса на стыке Сталинской области УССР и Ростовской области РСФСР.

2. Обширными раскопками Амвросиевского костища, произведенными в 1949 г. под руководством И. Г. Пидопличко и П. И. Борисковского, было вскрыто огромное скопление костей зубров, принадлежавших примерно 1000 особей¹.

3. Состав находок, сделанных в костище, равно как и характер неглубокого древнего овражка, в котором костище залегает, не позволяют считать последнее местом свалки ненужных костей поблизости от человеческого поселения или же местом гибели целого стада зубров, загнанных сюда в результате одной удачной коллективной облавы. Амвросиевское костище являлось, по мнению автора, культовым местом, куда обитатели расположенной поблизости позднепалеолитической стоянки складывали все кости убиваемых ими на охоте зубров, веря, что таким путем они обеспечат возрождение животных и удачную охоту на них в будущем. Этнография знает немало примеров сходных культовых мест.

4. Амвросиевская стоянка, исследованная в 1950 г., расположена в 200 м от костища и является вместе с костищем единственным позднепалеолитическим памятником Приазовья. Она представляла собой довольно долговременное поселение площадью около 600 м², не сохранившее, однако, остатков постоянных жилищ. Находки при раскопках стоянки обломков костяных наконечников и миниатюрных кремневых вкладышей, равно как и значительного количества костей зубров, позволяют установить связь стоянки с костищем и одновременность того и другого. При раскопках стоянки обнаружены также остатки кострец, куски краски, украшения, следы обработки кости и кремня, многочленные кремневые резцы и нуклевидные орудия.

5. Характер кремневых орудий позволяет сблизить Амвросиевскую стоянку с такими позднепалеолитическими стоянками Украины, как Кирилловская (нижний слой) и Студеница (Белая гора), и отнести ее

¹ П. И. Борисковский, Палеолітичне місцевознаходження біля м. Амвросіївка. Археологія, т. V, К., 1951.

к раннемадленскому времени. Автор считает, что нет достаточных оснований относить Амвросиевку к той же африканско-средиземноморской области развития позднепалеолитической культуры, к которой относятся позднепалеолитические стоянки Крыма и Кавказа.

6. Археологические разведки 1950 г. привели к обнаружению по берегам Крынки и Миуса четырех мустырских местонахождений (Новоклиновка II, Белояровка, Успенка, Матвеев курган), а также группы позднепалеолитических и неолитических кремневых мастерских.

7. Кремневые мастерские берегов Крынки и Миуса были местами первичного раскалывания кремня и не сохранили законченных орудий, а только призматические нуклеусы, пластины и отщепы. В течение очень длительного периода времени берега Крынки и Миуса систематически посещались людьми, приходившими сюда, может быть, и издалека специально для добывания кремня. Кремень раскалывался близ его месторождений, а затем полученные здесь кремневые заготовки уносились людьми на места их стойбищ.

АМВРОСИЕВСКАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

И. Г. ПИДОПЛИЧКО

1. Амвросиевская палеолитическая стоянка является единственной в СССР, где резко выражены следы деятельности древних жителей советского Причерноморья, тесно связанной с охотой на такого многочисленного и характерного представителя степной и лесостепной фауны прошлого, как зубр.

2. Вместе с тем скопление в древнем овражке костей примерно до 1000 особей зубров (так называемое костище), особенности их залегания, наличие среди них костяных и кремневых наконечников копий и связь этого скопления с местом обработки костей (в нескольких сотнях метров от костища), представляет единственный в своем роде древний памятник коллективной охоты загоном на зубров.

3. С этой точки зрения Амвросиевская стоянка заслуживает большого внимания археологов. Подробное ее изучение поможет понять черты быта и хозяйственной деятельности древних жителей советского Причерноморья, степень культурного развития этих жителей и особенности географической обстановки, в которой они жили.

4. Предпринятая П. И. Борисковским попытка истолковать скопление костей зубра в Амвросиевке как результат складывания этих костей в «культовом месте» не выдерживает критики прежде всего с исторической точки зрения и стоит в прямом противоречии с фактическими данными об анатомических особенностях костей и об особенностях стада зубров.

5. Всего в амвросиевском костище нами насчитаны остатки 983 зубров.

В невскрытых раскопками периферийных частях костища, куда кости были снесены с основного скопления, возможно, окажутся остатки еще нескольких десятков зубров, но это уже не изменит общего представления о размерах загнанного в овраг стада.

Это стадо состояло примерно из 1000 голов (не считая части стада, которая могла не попасть в затон), т. е. представляло одно из обычных небольших стад этих животных, ибо нормальные стада зубров, изученные в степных условиях Северной Америки, во время кочевок состояли из нескольких тысяч особей, в отдельных случаях число зубров в стадах достигало многих десятков тысяч голов. Подобная стадность у травоядных копытных — явление закономерное и наблюдается также в наши дни, например, у сайгаков в Казахской ССР (зоолог А. А. Слудский наблюдал здесь в 1950 г. стада сайгаков свыше 100 тыс. особей).

6. На особенностях поведения стадных животных в отдельные сезоны года как в древние времена, так и в недавнее время и основана была коллективная охота загоном.

7. Примеры охоты загоном на стада антилоп и других копытных в Африке (голло) общеизвестны. Охота загоном в недавнее время практиковалась на северных оленей, известны данные об охоте загоном на куланов в Казахстане в XIV в. Зоолог А. А. Слудский сообщил нам на основании разысканных им архивных данных, что в 1864 г. в Казахстане в один день при охоте загоном было убито 12 тыс. сайгаков. В охоте участвовало 120 человек.

8. Следовательно, охота загоном, как метод массового истребления стадных животных, была широко распространена еще и в недавнее время. Пример Амвросиевской стоянки показывает, что этот способ охоты восходит далеко вглубь веков.

9. Изучение стада амвросиевских зубров, произведенное В. И. Бибиковой, показало, что это стадо содержало в своем составе нормальное для зубров соотношение самок и самцов, а также возрастных групп. Это первое доказательство того, что в Амвросиевке мы имеем именно стадо погибших зубров, а не накопление костей в результате многолетних культовых приношений.

10. Нам удалось установить, что в составе амвросиевского стада были телята утробного возраста и не старше двух месяцев. Этот весьма важный факт дает возможность отнести время охоты на зубров на конец мая или на июнь месяц, так как отел у зубров происходит весной, главным образом в мае.

11. Изучение амвросиевской брекции костей зубров по методу полного подсчета поддающихся учету костей, а также наличие многих анатомических групп костей (конечностей, черепов, позвонков, ребер) показывает, что в древний овражек попали целые группы зубров, а не части их.

12. На основании изучения костяных и кремневых оснащений копий установлено, что в зубров было брошено 35 копий с костяными наконечниками и примерно 271 копье с кремневым оснащением.

13. Если предположить, что в руках одного охотника могло быть не более 4 метательных копий (1 в правой руке и 3 в левой—в запасе), то число копьеметальщиков, участвовавших в охоте, было не меньше 76, а кроме того, были еще загонщики.

14. Таким образом, даже эти данные не расходятся с теми условиями охоты, которые должны были существовать при организации ее загоном на тысячное стадо зубров.

15. На основании изучения биологии современных зубров и на основании изучения (количественный учет и пр.) находок их остатков в ископаемом состоянии можно утверждать, что в Европейской части СССР зубры подвержены были сезонным кочевкам, как и многие другие копытные.

С начала зимы из многоснежных лесных и лесостепных областей зубры откочевывали к югу.

Весной они продвигались во время кочевок обратно в лесостепную и лесную области. Наблюдениями над американскими зубрами установлена амплитуда кочевок стада зубров в один сезон до 750 км.

16. Таким образом, можно предполагать, что охота на зубров была организована на известной древним жителям советского Причерноморья кочевой тропе зубров в весенний сезон, когда зубры откочевывали в северном направлении.

17. На основании этого вывода становится понятным наличие в костище костей утробных телят (которые, кстати сказать, не могли быть объектом культового приношения) и, кроме того, отсюда вытекает вывод и о возможном временном стойбище древних охотников в месте охоты на зубров, хотя условия местности не препятствовали более или менее постоянному местопребыванию древних жителей.

18. На месте пребывания амвросиевских охотников за пределами

костища, а также в самом костище найдены раковины двух видов морских моллюсков (кардиум и церитиум), явно принесенных с берегов Азбовского или Черного моря. Следовательно, пребывание охотников за зубрами также на побережье моря можно считать доказанным.

19. Вопрос о возрасте Амвросиевской стоянки нельзя считать окончательно решенным. Данные исследования костей зубра показывают, что этот возраст геологически может быть определен ранним голоценом, т. е. он совпадает с возрастом таких стоянок, как Кирилловская, Владимировка и Пушкири.

20. Если этот вывод подтвердится, то тогда нужно признать, что в раннем голоцене, к которому относятся палеолитические стоянки послемустьерского возраста, тип охоты на важнейших представителей фауны носил зональный характер. В то время как в Амвросиевке наиболее выгодным объектом охоты был зубр, в лесостепной зоне таким объектом был мамонт, а в некоторых местах — заходивший в зимнее время северный олень.

21. Исследование костей также показывает, что они долгое время (десятки лет) лежали открыто. Это давало возможность первобытным охотникам долгое время использовать амвросиевское костище для хозяйственных нужд.

22. Не исключена возможность того, что ради обеспечения своих потребностей не только мясом, но и костяным сырьем амвросиевские охотники организовали весьма солидное по тому времени мероприятие — охоту загоном на зубров, для существования которой был создан большой коллектив.

23. Солидность этого мероприятия подтверждается также тем, что подобные памятники весьма редки. До настоящего времени подобных памятников организованной крупной охоты на зубров нигде в Азии и Европе больше не найдено. Вполне вероятно, что в будущем такие памятники будут открыты. Находки же следов немассовой охоты на зубров исчисляются сотнями.

24. Если учесть географические условия, в которых обитали древние жители советского Причерноморья, то способ добывания средств к жизни путем охоты был для этих жителей первостепенным и довольно трудным делом. Уже на основании этого можно усомниться в правильности мнения П. И. Борисковского о том, что древние обитатели советского Причерноморья избрали овражек в Казенной балке для своих культовых приношений.

25. П. И. Борисковский ссылается на этнографические параллели о культовом значении сложения костей охотничьих животных с верой в их возрождение. Но известные скопления костей подобного рода дают отдельные части скелетов. В Амвросиевке же мы имеем явное скопление полных скелетов зубров.

26. Утверждение П. И. Борисковского о том, что он находил разрозненные части скелетов зубров, объясняется недостатками применявшейся П. И. Борисковским методики разбора костей по метровым квадратам. Длина зубра достигает 3 м, поэтому в метровом квадрате может поместиться только часть скелета одного животного.

27. Наконец, если привлекать этнографические параллели культовых приношений животных, то не нужно забывать чрезвычайно развитой экономности в этих приношениях. Очень редко с культовыми целями складывались целые скелеты. Обычно складываются отдельные кости съеденных животных. Такие части скелетов, как ребра, тонкие кости, эпифизы, во время потребления изгрызаются. В Амвросиевском же костище они есть. Известны этнографические данные из Полинезии, когда от убитой свиньи в культовых целях приносилась лишь голова и хвост, остальное съедалось.

28. Таким образом, допустить, что в Амвросиевке происходило же-

голетнее складывание костей съеденных зубров или проводилось какое-либо другое культовое мероприятие, потребовавшее тысячи особей такой ценной добычи, как зубры, нельзя без риска сойти с правильных принципов исторического анализа.

29. Нужно отметить, что, как и во всех случаях охоты загоном даже в недавнее время, число убитых зубров в Амвросиевке превзошло возможности рационального использования их древними охотниками. В этом примере мы еще раз видим примитивный, стихийный и опустошительный способ использования природных богатств на прошлых этапах развития человечества.

В данном случае эта опустошительность обусловлена была низким уровнем техники охоты. При охоте загоном истребление целого стада зубров было неизбежным.

30. Изучение материалов, добытых при раскопках Амвросиевской стоянки, продолжается и потребует еще много кропотливого труда. Однако основной вывод о том, что в Амвросиевке мы имеем ценнейший документальный памятник коллективной охоты загоном древних жителей советского Причерноморья на зубра, можно сделать уже теперь.

31. Вопрос о том, был ли загон одновременным или разновременным безусловно важен, но он не является в данном случае решающим для общей оценки памятника. Анализ залегания костей (нет явно выраженных стерильных прослоек), сохранность костей и возрастной состав стада зубров приводит нас к выводу, что загон был одновременным.

32. Важно отметить также то, что среди костей зубра не оказалось костей других животных. Это тоже говорит о том, что здесь мы имеем пример стада зубров. Зубры, как известно, в состав своих стад не допускают других копытных. Стада зубров не носили и не носят такого смешанного характера, как стада антилоп, зебр и других копытных в Африке.

33. Монолитность амвросиевского стада зубров также свидетельствует против допущения о культовом характере скопления костей в Казенной балке.

При культовом накоплении такого огромного количества костей должен был пройти не один год. Трудно допустить, чтобы в течение многих лет древние охотники не добывали бы других животных (лошадей, куланов, сайгаков), обитавших в этих же степях и не складывали также и их костей в культовых целях.

34. За все время раскопок в Амвросиевке найдено на поверхности костища три кости лошади от двух особей (одна фаланга и два астрагала). Определение возраста этих костей методом прокаливания показало их позднее происхождение и, кроме того, они найдены в про-моинах, достигших поверхности костища. Все это говорит о них, как о принесенных водой по склону.

35. Монолитность амвросиевского стада зубров особенно ярко говорит о некультовом происхождении остатков потому, что в случае культовых приношений амвросиевским охотникам нужно было бы жить оседло в данном месте (в районе Казенной балки) много десятков лет.

36. Раскопки же мест, где найдены следы пребывания амвросиевских охотников, показывают, что эти места носят характер временных стойбищ, а не долговременных оседлых поселений, которых, кстати сказать, в то время в данной местности быть не могло.

КАМЕННАЯ МОГИЛА

М. Я. РУДИНСКИЙ

1. Останец среднесарматских отложений в пойме р. Молочной у с. Терпение, представляющий собою совершенно исключительный памятник природы приазовских степей, так называемая Каменная Гора или Каменная Могила является выдающимся памятником древней истории юга УССР.

2. В гротах и навесах, образовавшихся в результате эрозии на склонах холма Каменной Могилы, древние обитатели побережья р. Молочной оставили многочисленные рисунки, являющиеся ценнейшими документами первобытного искусства и первобытной идеологии. По разнообразию их сюжетов и способов их исполнения, по сосредоточению их в определенных местах и выдержанности приема нанесения рисунков не на внешних поверхностях камней, а исключительно на потолках и карнизах гротов и нависавших скал Каменная Могила занимает совершенно особое место среди близких ей по времени и характеру памятников СССР и, в сущности, до сих пор не находит соответствующих параллелей.

3. Историко-археологическое значение Каменной Могилы увеличивается тем обстоятельством, что в непосредственном окружении ее холма находится ряд неолитических стоянок и стоянок эпохи бронзы, в частности многослойная стоянка неолитического времени у так называемой Красной Горы, открытая В. Н. Даниленко в 1938 г. и зондированная его раскопками 1947 г.

4. История образования холма Каменной Могилы и освоения его первобытными обитателями края рисуется так: а) представляя собою островное образование в пойме р. Молочной, Каменная Могила стала островом не сразу. На первом этапе ее оформления она являлась далеко выдвинутым в долину каменистым мысом правого берега. Раньше всего была обнажена и размыта крайняя оконечность мыса, т. е. северо-восточный участок и восточный склон нынешнего холма Каменной Могилы; б) в процессе оформления холма Каменной Могилы наибольшей обработке водой подверглись ее северные склоны — лобовая часть будущего острова, где и образовались далеко выдвинутые навесы и наиболее углубленные гроты; в) прорыв мыса напором стоковых вод был ускорен тем, что пласт песчаника, вызвавший образование холма Каменной Могилы, не является обязательным членом в свите позднетретичных и четвертичных отложений в данном районе, а представлял собой лишь небольшое по площади образование узко локального характера; г) последним этапом в образовании холма Каменной Могилы было размывание западной стороны образовавшегося острова, получившего вид невысокого «столового холма», покрытого цельным щитом песчаника, края которого нависали над его склонами.

5. Существенно важный для понимания памятника вопрос об этапах разрушения вершины Каменной Могилы и навесов, выступавших над ее склонами, не может быть разрешен из-за отсутствия соответствующих данных.

6. Не исключено, что разрушение головной части холма Каменной Могилы произошло сразу, одновременно, в результате общей осадки каменного щита на его вершине, а быть может, и какой-то сильной подвижки холма. Повидимому, это произошло сравнительно недавно уже после того, как Каменная Могила перестала быть культовым местом. По крайней мере никаких указаний на использование вновь образовавшихся плоскостей для нанесения рисунков мы не имеем.

7. В результате работ на Каменной Могиле в 1951 г., носивших предварительный характер (фиксации нынешнего состояния памятника в плане и фотографиях, обнаружения местонахождений с рисунками, эстампирования и зарисовок части обнаруженных изображений, разведок за северной и южной оконечностями холма, подготовки площадки широких раскопок стоянки у Красной Горы, иссечения нескольких плит для транспортирования в Киев), могут быть охарактеризованы следующие местонахождения с рисунками: 1) «Северный грот»; 2) «Грот мамонта»; 3) «Западная» группа плит; 4) Группа «конских» плит; 5) Группа плит «стоп»; 6) Плита № 33 в дольменообразной группе камней.

8. Уточнение хронологических рамок памятника возможно лишь после раскопок уцелевших до нашего времени гротов и тех участков Каменной Могилы, где можно предполагать существование оборвавшихся или разрушенных навесов.

9. В настоящее время единственными нашими материалами для археологических определений остаются изображения и рисунки, различающиеся и по содержанию, и по технике исполнения, и по художественной манере.

10. В вопросе хронологического расчленения рисунков критерий разницы высотного положения гротов и отдельных плит с рисунками может быть принят лишь со значительными оговорками. В этом смысле большую обоснованность получает критерий нахождения того или иного пункта с рисунками относительно стран света (на северном склоне гроты и навесы образовались ранее, чем на западной стороне холма).

11. В настоящее время у нас нет данных раздвигать хронологические рамки памятника так широко, как это было предложено предшествовавшими исследователями, которые были склонны относить наиболее древние изображения к концу палеолитической эпохи и мезолиту.

12. Установление хронологической однослоистости обнаруженных на Каменной Могиле изображений свидетельствует о непрерывности линии развития, преемственности в использовании гротов и навесов для культовых целей, устойчивости традиции, которую пронесло, повидимому, на Каменной Могиле население неолитического времени и эпохи бронзы.

13. Интересные высказывания исследователей Каменной Могилы о производственном характере некоторого числа обнаруженных на ней произведений первобытного искусства, в частности в отношении «рыболовецкой магии», требуют дополнительных данных.

14. Особое значение в идеологических представлениях первобытных обитателей р. Молочной Каменная Могила получила, очевидно, в эпоху бронзы, о чем свидетельствует и комплекс оставленных нам древних изображений и рисунков, объединенный тематикой скотоводческо-земледельческого уклада, и отдельные местонахождения с рисунками, связанные с культом солнца и с представлениями о загробном мире.

15. Не исключено, что в представлениях населения этой эпохи Каменная Могила — это странное и необъяснимое образование среди безбрежной глади долины реки — из места отправления культовых обрядов

превратилась в объект культа, в «священную гору», может быть, «божественного предка», опекающего и защищающего потомков (на что указывают древние погребения эпохи бронзы в районе с перекрытием могильных ям из плит или камней, принесенных с Каменной Могилы).

16. Несмотря на непрерывный рост числа местонахождений с петроглифами, открываемых в пределах Советского Союза, рисунки Каменной Могилы продолжают оставаться исключительно своеобразным комплексом древних изображений.

17. Соответствующие параллели каменномуогильским изображениям в границах СССР следует искать, в первую очередь, на юге и юго-востоке, как на это указывают некоторые аналогии в начертаниях Чильпика — Кара-Тюбе, и в наскальных изображениях Северного Кавказа — Закубанья.

18. Каменномуогильские изображения не находят соответствующих параллелей в писаницах Сибири и иных северных и северо-восточных территорий СССР, оставленных нам, с одной стороны, древними племенами охотников-рыболовов севера (охотниче-магического характера), а с другой — позднейшим населением иного хозяйственного уклада и иных исторических традиций.

19. Некоторые аналогии более поздним комплексам рисунков Каменной Могилы мы находим на северо-западе Европы, прежде всего в наскальных изображениях юга Скандинавии, относящихся к эпохе бронзы, и в рисунках на мегалитических памятниках Западной Европы.

20. Представляется возможным обосновать европейский или евразийский (а не афревразийский) характер местонахождения в целом и поставить его в связь с памятниками эпохи мегалитов. Находя параллели в наскальных изображениях крымо-кавказского юга и среднеазиатского юго-востока, с одной стороны, и в петроглифах северо-запада и запада Европы, с другой, комплекс изображений Каменной Могилы в какой-то части своей является одним из проявлений того мировоззрения, которое складывалось в эту эпоху в границах широкого историко-культурного пояса, протянувшегося через Старый свет между Индией и европейским побережьем Атлантики.

21. Исследование Каменной Могилы, попадающей в зону затопления Молочанского водохранилища, должно быть исчерпывающим не только в смысле фиксации ее памятников и сохранения хотя бы части их для экспозиции в музеях, но и в смысле осуществления широких раскопок на холме Каменной Могилы и в ее окрестностях.

ОПЫТ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА МАРИУПОЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА

А. Д. СТОЛЯР

1. Гениальный труд товарища Сталина по языкоznанию открыл широкие возможности для исследования конкретных исторических вопросов. Для решения ответственных задач, стоящих перед советской археологией, необходимо не только накопление новых вещественных материалов, но и, в первую очередь, всестороннее рассмотрение на базе марксистско-ленинской теории исторического развития ряда общих и частных положений, дискуссионное обсуждение нерешенных проблем.

2. Мариупольский могильник — памятник большого научного значения, широко вошедший в науку, но толкование его может быть и иное, чем то, которое дал Н. Е. Макаренко.

3. В структурном отношении Мариупольский могильник разделяется на три разновременные части, из которых наиболее ранней является центральная, а самой поздней — южная.

4. Положение о наличии в составе могильника двух не связанных между собой групп погребений, разделенных значительным отрезком времени, опровергается анализом его материалов. Он оказывается единым археологическим целым, запечатлевшим в себе один из моментов перерыва постепенности в развитии родового общества и относится ко времени окончательного изживания матриархального уклада жизни и становления патриархата в одном из районов Приазовья.

5. Применение метода культурно-исторической стратиграфии, разработанного П. П. Ефименко, и восстановление схематического разреза усыпальницы позволяют расчленить содержащиеся в нем погребения на семь культурно-хронологических комплексов. Первый из них выборочно передает некоторые особенности культуры, предшествующей сложению своеобразного мариупольского комплекса.

6. Погребальный обряд могильника не исчерпывался трупоположениями. Периодически на его площади помещались трупосожжения.

7. Все находки, сделанные в засыпи могильника, принадлежат к тому же времени, что и эта родовая усыпальница, и оставлены соорудившим ее населением.

8. В архитектурном отношении могильник аналогичен «коридорным» гробницам.

9. Во время существования могильника произошли значительные сдвиги в ритуале погребений, передающие изменения в общественном производстве и социальной структуре.

10. Вопросы о датировке, историческом месте и происхождении, области распространения и особенностях хозяйства культуры мариупольского типа не могут считаться решенными и требуют своего специаль-

ного рассмотрения. Заметим предварительно, что на основании археологических параллелей и иных соображений с наибольшей вероятностью его можно отнести к предкатакомбному времени. Он был оставлен частью его древнего этнического массива, который в специфических условиях приазовских речных пойм вел специализированное скотоводческое хозяйство, своими глубокими истоками восходящее, вероятно, к эпипалеолиту.

ЧАПЛИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

A. В. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

1. На территории порожистой части Днепра известно уже много неолитических могильников. Все это — бескурганные могильники. Большинство из них — только неолитические, некоторые же содержали погребения и иного времени. К числу последних принадлежит и Чаплинский могильник.

2. Чаплинский могильник был открыт А. В. Бодянским в 1950 г. и в том же году исследован автором. Он расположен на берегу Днепра у с. Чапли, в южной части Игренского полуострова, находящегося против г. Днепропетровска.

3. Несколько ниже могильника в Днепр впадает речушка Шиянка, против которой находится забора. На берегу против этой заборы обнаружены следы неолитической стоянки, населению которой и принадлежала часть погребений Чаплинского могильника.

4. На территории Чаплинского могильника обнаружены погребения трех типов, относящиеся к различному времени.

5. Шестнадцать неолитических погребений были расположены в один ряд вдоль нынешнего обреза берега. Эти погребения по типу, а частично по глубине и относительной давности, можно расчленить на три группы.

Группа А. К этой группе относятся десять погребений. Все костяки лежали протянуто, руки положены вдоль туловища. Семь погребений были ориентированы к северу, три — к югу. Они размещены в один ряд на приблизительно равном друг от друга расстоянии, на глубине 1,5 м от нынешней поверхности, в желтом песке, только погребение № 13, самое восточное, было ориентировано по оси СЗ—ЮВ. Три погребения частично были посыпаны красной краской, погребальный инвентарь отсутствовал.

Группа Б. К этой группе относятся четыре погребения. Они размещены на глубине 1,7 м, глубже, чем погребения первой группы. В отношении положений костяков эти погребения почти ничем не отличались от погребений группы А. В погребении № 12 возле правого уха захороненного была найдена подвеска из зуба оленя, а на локте правой руки — два зуба хищников и четыре зуба рыб карповых пород. В связи с тем, что одно погребение этой группы (№ 11) разрушило погребение группы А (№ 10), естественно, эти погребения необходимо считать относительно более поздними по сравнению с погребениями первой группы.

Группа В. К этой группе относятся два погребения (№ 14 и 17), они в значительной степени отличаются от погребений первых двух групп. Для этих погребений выкапывалась яма ладьевидной формы глу-

биной до 0,3 м. В такую яму клали покойника в протянутом положении, головой к северу, засыпали его красной краской, а затем — гумусированным песком с красной краской. Погребальный инвентарь отсутствует. Погребение взрослого (№ 14) залегало на глубине 2 м от нынешней поверхности, а детское (№ 17) — на глубине 1,8 м. В связи с тем, что погребение № 17 разрушило погребение № 9 группы А, не может быть сомнения в том, что эти погребения более поздние, чем погребения первой группы.

6. На территории Чаплинского могильника были обнаружены также пять погребений энеолитического времени, примыкавшие к северо-западной границе могильника. Это — скорченные на спине костяки, из них три находились в особых каменных сооружениях. Четыре костяка детские, один — взрослого человека. Погребения сопровождались кремневыми ножами, поясами из ракушек и медными изделиями.

7. На территории могильника были найдены пять скорченных на левом боку костяков. Они залегали на различной глубине от 1,3 до 1,7 м. Краска и погребальный инвентарь отсутствовали. Три из них находились в СЗ части могильника, а два — между неолитическими погребениями № 5 и 7. Ориентированы погребенные головою к востоку. Определить датировку погребений не удалось.

8. Неолитические погребения Надпорожья, в том числе и Чаплинского могильника, находят аналогию прежде всего в Мариупольском могильнике, а также в погребениях неолитического времени на территории СССР. Аналогии энеолитическим погребениям можно видеть в погребениях Виноградного о-ва в Надпорожье, частично в погребениях восьмой Игренской стоянки, а также в некоторых погребениях Мариупольского могильника. Полная же аналогия не только в отношении типа погребений, но и погребального инвентаря имеется с погребениями могильника возле Дечии на Мароше (Румыния).

9. Неолитические погребения Чаплинского могильника могут быть отнесены к позднему неолиту Надпорожья. Что же касается погребений под каменными закладками, то их, очевидно, следует датировать предыдущим временем.

10. В отношении неолитических погребений Надпорожья можно констатировать, что: а) устанавливается перпендикулярное положение протянутых костяков по отношению к реке, связанное несомненно с культом воды, а не с солярным культом, как это думают некоторые наши археологи. Об этом свидетельствует и ладьевидной формы погребальная яма и зубы рыб, служившие украшением одежды, имевшие, возможно, магическое значение, а также и отсутствие строго выдержанной ориентировки костяков в отношении стран света; б) не обязательно погребение с противоположной ориентировкой, отвергающее мысль о том, что в этом факте следует видеть захоронения разного пола; в) в погребальном ритуале применялась красная краска; г) наличие погребального инвентаря не обязательно.

11. Энеолитические погребения Чаплинского могильника свидетельствуют не только об изменении погребального ритуала, но и о больших экономических возможностях (более разнообразный и богатый инвентарь), что дает основание предполагать переход населения, оставившего эти погребения, к иной хозяйственной деятельности — к скотоводчеству.

ТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ В с. САНДРАКИ, ВИННИЦКОЙ ОБЛАСТИ, И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОЗДНЕГО ТРИПОЛЬЯ

Е. Ф. ЛАГОДОВСКАЯ

1. Открытие памятников позднего триполья как в лесостепной полосе, так и в степной относится к концу XIX — началу XX в., однако их историческое осмысление и постановка проблемы позднего триполья осуществляется только в конце 30-х годов, когда после большой теоретической работы и ряда больших полевых открытий и исследований открылась возможность подхода к решению вопроса о путях «исчезновения» цветущей трипольской культуры.

2. Т. С. Пассек и Е. Ю. Кричевский поставили и разработали вопрос относительно позднего этапа развитого триполья — Городско-Усатовского этапа, который характеризуется рядом признаков, с одной стороны, связывающих его с трипольем, с другой — с культурами эпохи бронзы.

3. В последние годы были высказаны иные точки зрения в понимании этой проблемы. Т. Сулимирским в 1950 г. было высказано мнение, что памятники позднего триполья были оставлены не трипольскими племенами, а соседящими с ними, подвергшимися влиянию трипольской культуры.

А. Я. Брюсов в 1952 г. в своей книге «Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху» высказал другое предположение. Он считает, что трипольские племена были вытеснены с занимаемой ими ранее территории левобережными степными племенами, поселения их были разрушены и ограблены, а остатки трипольского населения были ассимилированы северными и южными племенами.

4. Общей ошибкой построений Т. Сулимирского и А. Я. Брюсова является тенденция рассматривать развитие позднетрипольских племен, как проходившее вне коренных земель триполья, — к этой ошибке их привел недоучет памятников среднего Днестра и Южного Буга.

5. В настоящее время при современной изученности вопроса в лесостепной части Правобережья Украины на этапе позднего триполья могут быть выделены следующие культурно-исторические группы, у которых при всей имеющейся общности их культурного и экономического развития имеются свои отличия, свидетельствующие о различных путях их исторического развития: 1) среднеднестровская, представленная поселениями типа Кошиловцы — Семенов — Зеленче — Кашперовцы; 2) волынско-городская, представленная поселениями типа Городска и 3) киево-софиевская, представленная поселениями и могильниками софиевского типа.

6. Памятники позднего триполья по Южному Бугу были известны только по его среднему течению в с. Печера, в с. Колодистое и ниже —

в районе Первомайска (с. Грушевка, урочище Гард, урочище Кременчуг).

Верхнее течение Южного Буга не только в плане изучения позднетрипольских памятников, но и вообще в археологическом отношении не изучено, поэтому вполне понятен тот интерес, который был вызван проведением здесь первых археологических исследований. В 1949—1950 гг. здесь работала Верхне-Бугская археологическая экспедиция. Раскопки были проведены в урочище Пагурок в с. Сандраки, Хмельницкого района, Винницкой области. Пагурок оказался ценным историческим и стратиграфическим памятником. Здесь были обнаружены культурные слои, которые говорили о населенности Пагурка в позднетрипольское время, в период поздней бронзы (VIII—VII вв. до н. э.), а также в XVII—XVIII вв. Единичные же находки говорили о непрекращавшейся здесь жизни в период бронзы — раннего железа.

7. Пагурок представляет собой высокий мыс возвышенности на разветвленной системе оврагов над широкой долиной ручья, впадающего в Южный Буг, т. е. своей топографией расположения напоминает топографию ряда других позднетрипольских поселений, таких, как Городск, Новая Чартория, Паволочь и др. На площади раскопа, заложенного в северной части Пагурка, были обнаружены остатки глинобитного жилища. Оно было представлено достаточно хорошо сохранившейся площадкой размером до 30 м² с рядом деталей бытового характера. Тут же были обнаружены и округлые ямы хозяйственного назначения, находящиеся рядом с площадкой. Над этой площадкой, залегавшей в переходном слое, были обнаружены остатки более позднего глинобитного дома. Под площадкой были открыты остатки спланированного углубленного жилища. Все три строительных этапа датируются одним временем. Культурный слой, подобно культурному слою других позднетрипольских поселений, был насыщен костями домашних (бык, конь, свинья, овца, коза, собака) и диких животных, каменными (топоры, клинья, долота, ножевидные пластинки, скребки и др.) и костяными (мотыги, лощила, шилья, проколки и др.) орудиями труда, фрагментами керамики, антропоморфными фигурками, фигурками животных и др.

8. Поселение в Сандраках является одним из ранних в ряду позднетрипольских памятников. Оно имеет некоторые общие черты с памятниками Волынско-Городской группы, но вместе с тем и некоторые отличия, которые находят свое выражение в характере расписной керамики и связывают его с Усатовым.

9. Вопрос о заселенности Южного Буга, по которому должна была осуществляться эта связь со Степью, позднетрипольскими племенами еще только ставится. Такие памятники, как Колодистое, Грушевка свидетельствуют, с одной стороны, о взаимодействии трипольских племен Лесостепи и Степи, а с другой стороны, такие памятники, как Ольшанка, Серезвиевка, свидетельствуют о взаимодействии позднетрипольских племен с левобережными степными племенами, у которых в связи с ростом пастушеского скотоводства имелась тенденция расширения и распространения в западном направлении, в земли трипольских племен.

10. Весьма существенным моментом в исследовании поселения в Сандраках является установление того факта, что керамика со шнуроным и валиковым орнаментами типа катакомбной находится стратиграфически выше позднетрипольского культурного слоя. В полевых условиях это наблюдение было сделано впервые, и тем подводится фактическое основание для решения этого вопроса относительно таких памятников, как Киево-Кирилловские землянки, поселение в Евминках и др.

ПРОБЛЕМА ПОЗДНЕГО ТРИПОЛЬЯ В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Ю. Н. ЗАХАРУК

1. К числу сложных и важных вопросов исследования трипольской культуры относится вопрос о так называемом «исчезновении» трипольской культуры. Речь идет о понимании исторических процессов, протекавших в конце существования трипольской культуры, о путях дальнейшего развития населения, оставилшего памятники трипольского типа. В этой связи возник вопрос о древнейших формах культуры, сложение которых знаменовало начало бронзового века на территории Среднего Поднепровья. Рассмотрению этих вопросов были посвящены работы советских археологов Е. Ю. Кричевского и Т. С. Пассек.

2. Основными источниками для решения этих вопросов являлись материалы позднетрипольских поселений типа Городска на севере и материалы поселения и курганного могильника типа Усатово на юге. На основании материалов этих памятников были установлены общие черты культуры позднего триполья. Исследование их наметило локальные особенности культуры в лесостепной и степной полосах Правобережной Украины. Представилась возможность перейти от изучения общих черт культуры к изучению конкретной истории ее в каждом районе. Однако осуществление такой возможности для Среднего Поднепровья затруднялось, с одной стороны, плохой изученностью здесь поселений, а с другой — отсутствием такого важного вида источников, как могильники.

3. В послевоенные годы Институтом археологии Академии наук УССР начаты систематические археологические исследования обоих берегов среднего течения Днепра, главным образом в районе Киева и Киевской области. В результате большой полевой работы экспедиции «Большой Киев», осуществленной под общим руководством директора института действительного члена Академии наук УССР П. П. Ефименко, был открыт ряд новых памятников, в том числе позднетрипольских. В 1947 г. был открыт, а в 1948 г. исследован Софиевский могильник. Вскоре были обнаружены другие поселения и могильники с материальными остатками софиевского типа. Исследование этих памятников дало ценный материал для выяснения местной позднетрипольской культуры. Оказалось, что позднее триполье в Среднем Поднепровье является вполне самобытным, во многом отличающимся от городского и усатовского типов.

4. Открытие и исследование ранее неизвестных в Среднем Поднепровье могильников позволило не только существенно дополнить характеристику местной культуры и устраниТЬ тем самым существовавшую до сих пор односторонность в освещении культуры, неизбежную при условии отсутствия погребальных памятников, но и дало новые материалы для выяснения актуального и малоизученного вопроса о погребальном обряде

населения трипольской культуры в Среднем Поднепровье. Для местного населения оказался характерным обряд трупосожжения.

5. Установление местных различий в материальной культуре и похоронном обряде, прослеживаемых в отдельных районах распространения трипольских памятников, позволяет с полным основанием ставить вопрос о племенном делении населения трипольской культуры и открывает возможность перехода к конкретному изучению истории трипольских племен.

6. При рассмотрении вопроса о сложении культуры софиевского типа привлекают внимание памятники трипольской культуры предшествующих этапов в Среднем Поднепровье. На основании сопоставления инвентаря этих поселений с материалами памятников софиевского типа устанавливается прямая генетическая связь первых с последними. Эта преемственность в развитии трипольской культуры в Среднем Поднепровье подтверждается также прослеживаемым здесь развитием обряда трупосожжения.

7. С древнейшего на этой территории этапа трипольской культуры (этапа В II) наметились своеобразные черты, получившие свое дальнейшее развитие в культуре, представленной памятниками софиевского типа. Локальные особенности культуры софиевского типа были обусловлены местными особенностями развития трипольской культуры в данном районе.

8. Своебразие памятников софиевского типа объясняется не только местными особенностями развития трипольской культуры. С одной стороны, надо полагать, что в сложении культуры софиевского типа определенную роль могли сыграть позднетрипольские племена. С другой стороны, под влиянием исторических условий того времени в культуре софиевского типа формируется ряд новых элементов, характерных для пастушеских племен ранней бронзы. Однако эти новые элементы культуры не меняют радикально облика культуры софиевского типа, сохранившей трипольскую основу.

9. Новые материалы памятников софиевского типа позволили внести значительные коррективы в существовавшее представление о якобы более или менее полном исчезновении на этапе позднего триполья всех основных признаков трипольской культуры и преобладании нетрипольских элементов.

10. На основании имеющихся данных прослеживаются вполне определенные связи и взаимодействия между культурой софиевского типа и культурами ранней бронзы (среднеднепровская, катакомбная и мегалитическая). Отмечаемая общность некоторых элементов культуры софиевского типа и культур периода ранней бронзы, при условии сохранения в целом специфических каждой культуре черт, не указывает на моменты генетических связей.

11. В связи с новыми материалами памятников софиевского типа можно высказать предположение об ассимиляции позднетрипольского населения в Среднем Поднепровье племенами шнуровой керамики. Это не предрещает исторические судьбы трипольских племен, бытовавших в других районах распространения трипольской культуры.

12. Гениальная работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкоизнания» поставила перед советской археологической наукой новые ответственные задачи. С подлинно марксистско-ленинских позиций решаются ~~законченные~~ вопросы происхождения народов, в частности славян. Начальные этапы формирования современных народов и языков согласно ~~законченной~~ И. В. Сталина оказались значительно более древними, чем это представлялось Марку и его последователям. Основной задачей археологических исследований в области славянского этногенеза является изучение племенных групп II тысячелетия до н. э. В этом отношении большой интерес представляет изучение истории древнейшего населения Среднего

Поднепровья на рубеже III—II тысячелетий до н. э. Новые материалы памятников софиевского типа позволяют конкретизировать наши представления о ходе исторического развития трипольских племен в Среднем Поднепровье. Без этого невозможно решить во многих отношениях еще не выясненные и спорные пока вопросы об этногенетических процессах, протекавших в районах бытования трипольских племен в позднетрипольское и послетрипольское время, и дать правильную оценку места и роли трипольского этнического элемента в последующих этнических формированиях.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ КИЕВОТРИПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В. Н. ДАНИЛЕНКО

1. Выделение и первоначальное исследование киевского типа трипольской культуры (Софьевка, Красный хутор, Чернин, и, как теперь уточняется, более древняя часть коллекции из Кирилловских землянок и др.) является одним из наиболее значительных достижений советской украинской археологии послевоенного времени.

2. Открытый В. Н. Даниленко в 1950 г. и исследованный совместно с М. Л. Макаревичем в 1951 г. некрополь близ Красного хутора, в районе Дарницы, является одним из наиболее значительных памятников этого типа культуры. Его характеризует вполне удовлетворительная сохранность (повреждено не более 1—2 погребений) и крупные размеры (около 200 погребений — трупосожжений в урнах и вне их). Погребения были размещены очень густо, на площади около 70 м², имевшей форму вытянутого прямоугольника с полукруглым выступом на одной из длинных сторон, что позволяет предполагать наличие на месте могильника особого ограждения. В Софьевском и Чернинском могильниках мы имеем совершенно аналогичные по культуре явления.

3. Некрополь в числе других признаков характеризует многочисленный и разнообразный инвентарь (своеобразная керамика — высокие горшки с узким горлом, амфоры, горшки, кружки, миски и др.; каменные боевые топоры и клевцы, среди которых имеются топоры с «пуговичным» обушком и каннелированной поверхностью; медные кинжалы, пла-мевидной формы с четырьмя-пятью вырезками для штифтов; медные трубчатые и трубчато-спиральные бусы, привозные бусы из янтаря и гешира (или черного сланца (?); медные круглые пластинчатые браслеты с заостренными концами; многочисленные кремневые наконечники стрел треугольной формы, иногда с небольшой выемкой на основании; кремневые ножи, скребки и ретушеры к ним, кремневые клиновидные топоры; отпечатки ткани вроде полотна на медных вещах и др.).

4. Киевский тип трипольской культуры, отвечающий вполне самостоятельной этноплеменной группе населения, возник не в результате эволюционного развития трипольской культуры Среднего Поднепровья предшествующих периодов (коломийщинский тип). Он возник в результате слияния трипольских элементов с местным населением, а дальнейшее его развитие, приведшее к сложению так называемой днепро-деснянской культуры, в качестве одной из сторон исторического процесса, имело характер постепенного растворения трипольских этнических элементов в основном, местном этническом массиве.

Значение хозяйствственно-экономического фактора (далнейшее развитие земледелия и, повидимому, сложение стойлового животноводства) преуменьшать не приходится, но выяснением одной экономической сто-

роны исторического процесса нельзя подменять выяснение остальных его сторон.

5. Для понимания исторической обстановки, в которой происходило сложение описанного типа культуры, и для уяснения ее более поздних исторических судеб необходим учет как историко-археологических звеньев ей предшествующих, так и тех, которые за нею следовали.

6. Как в прикиевском, так и в трипольско-каневском районах Поднепровья и даже южнее, до появления памятников трипольского типа на Среднем Поднепровье, развивалась особая неолитическая культура, отличная от культуры ямочно-гребенчатой керамики (тип Никольская слободка), имеющая близкие аналогии на Волыни (стоянка в урочище Мостова). Трипольская культура коломийщинского типа совпадала с заключительным периодом ее развития, а носители коломийщинского типа триполя отдельными клиньями проникали до широты нынешнего Киева и сосуществовали с местным населением, сохранявшим неолитический строй культуры, возможно переходившим к скотоводству, но, повидимому, совершенно не занимавшимся земледелием.

7. Во второй половине III тысячелетия до н. э. на основе дальнейшего развития местного неолитического населения, в результате взаимодействия с трипольской культурой и, повидимому, к этому времени слагающейся культурой «малопольского» типа (наиболее восточные следы этой культуры выявляются на Горыни) и, главным образом, в условиях непрерывно усиливающегося проникновения элементов степной скотоводческой культуры, в северной части Среднего Поднепровья слагается новая культура (Никольская слободка, пункт З, Бортнич, Ошитки и др.).

8. В это время в сложной исторической обстановке произошла выработка основных признаков киевского типа трипольской культуры. Следует, однако, отметить, что киевский тип трипольской культуры не является единственным явлением этого порядка.

Из района Канева (гора Московка) известны отдельные находки керамики киевского типа, известны они и из района несколько более северного (Обухов), т. е. с территории массового распространения трипольских памятников развитой поры культуры.

Малые могильники — «курганы» из района Колодистого также несомненно тяготеют к этой же группе памятников. Весьма знаменательно наличие здесь двух типов погребального обряда: трупосожжения и трупоположения. Такое сочетание двух различных погребальных обрядов полностью согласуется с пограничным в культурном отношении положением жившего здесь в ту пору населения. Именно в Тясминском районе Днепровского Правобережья, и особенно к югу от него, где наличие трипольских памятников никем до настоящего времени не отмечено, существовал один из вариантов «преддревнеямной» культуры (Смелянщина, Звенигородщина — тип Сунка — Мокрая Калигирка и Федоровка, Золотая Балка и др. — на нижнем Днепре).

9. Учитывая особое положение среднебугских трипольских племен степного пограничья, можно допустить, что новое проникновение трипольского населения, приведшее к сложению киевотрипольской культуры, происходившее под напором степного пастушеского населения, а также под наjjимом носителей усатовской культуры, продвигавшихся западнее, в направлении волынского Полесья, происходило не с направления черноземной части Среднего Поднепровья, а с направления левых притоков среднего течения р. Южный Буг.

10. На рубеже III—II тысячелетий до н. э. расширение «степного клина» происходило в двух направлениях: по долине Днепра на север, что привело к распространению днепро-деснянских памятников на территории Белорусской ССР и, в конечном итоге, к сложению первичного (московского), выделенного О. А. Кривцовой-Граковой, ядра фатьяновской культуры, а также в западном направлении, что привело к оформле-

нию яцковицкого варианта культуры, шнуровой керамики, на основе которого здесь, позднее, в начале II тысячелетия до н. э., произошло сложение местных памятников среднеднепровской культуры.

11. Вполне оправдано предполагать, что оба названные «степные клины» послужили именно той главной ассилирующей средой, расширение которой и привело к растворению обеих северных позднетрипольских группировок: киевской и волынско-городской.

В равной степени новому этноплеменному переоформлению подверглись и другие синхронные позднему триполью группы оседлого земледельческого населения, например волынская культура каменных ящиков.

12. Все эти явления развивались во все расширяющемся в территориальном отношении масштабе, что в конечном итоге привело к сложению многих племенных культур так называемой культуры шнуровой керамики. Так называемая среднеднепровская культура, несмотря на вполне понятное наличие локальных черт, несомненно принадлежит к числу именно этих явлений, будучи не только наиболее восточной, но и, вполне вероятно, именно той частью обширной историко-хозяйственной области, где сложение признаков культуры шнуровой керамики произошло раньше, чем в Центральной Европе.

13. Культура шнуровой керамики (в действительности ряд культур) несомненно отличалась чрезвычайной сложностью племенного состава, как не была, конечно, однородной в этом отношении и трипольская культура. Однако можно предполагать, что именно в это время, в пределах области распространения этой культуры происходила кристаллизация северных групп индоевропейского населения: славян, балтов и, возможно, в условиях более сложной исторической среды,— германцев.

14. В прикиевской части Поднепровья смена фаз культуры шнуровой керамики происходила в такой последовательности: днепро-деснянская, среднеднепровская (следует понимать под нею обе фазы, выделенные Т. С. Пассек), так называемая катакомбная культура, в действительности являющаяся видоизмененным под воздействием степных юго-восточных элементов продолжением среднеднепровской культуры и, наконец, поздняя «катакомбная» культура, имеющая близкие аналогии почти на всем протяжении Днепровского бассейна, в частности на левобережных его притоках, в виде памятников типа Марьяновки и более ранних его звеньев.

15. Население деснянских и припятских широт Днепровского бассейна, являвшееся носителем поздних форм названной выше культуры, по мнению автора, около середины II тысячелетия до н. э. или несколько позднее принимало весьма активное участие в выработке разновидностей так называемой тычинецкой культуры и родственных им культур, которые к сложению славянства имеют не меньшее, если не большее отношение, чем так называемая лужицкая культура.

16. Вопрос о памятниках киевского типа трипольской культуры является частью проблемы происхождения культуры шнуровой керамики, актуальность исследований которой не может вызывать сомнений.

Наряду с необходимостью продолжить исследование памятников киевского и городско-волынского типов трипольской культуры, необходимо уделить особое внимание памятникам предшествующего им периода.

В равной степени необходимо подчеркнуть особое значение соответствующих исследований в ингуло-тясминской части Правобережья, в пределах которой имеются следы степных (вернее лесостепных) культур, являющихся важными звенями в сложении культуры шнуровой керамики.

К ВОПРОСУ О РИТУАЛЬНЫХ ПОГРЕБЕНИЯХ В ТРИПОЛЬСКИХ ЖИЛИЩАХ

С. Н. БИБИКОВ

1. При раскопках жилища № 5 в Луке-Врублевецкой были обнаружены кости ребенка. Остатки скелета находились в небольшом углублении пола вблизи очага.

2. Эта находка позволяет пересмотреть вопрос о случайном якобы попадании костей человека, неоднократно находимых на трипольских памятниках.

3. Погребения людей, чаще всего молодых индивидуумов, отмечаются в очень широком ареале раннеземледельческих и скотоводческих племен юго-востока Европы, Балкан, Передней Азии и Среднего Востока.

4. Погребение в жилище отражает определенный культ, связанный с представлениями о возрождении и обратимости, и близко стоит к идею о плодородии.

5. В среде трипольского общества культ погребения в жилищах имел свое распространение и может быть зафиксирован на ряде памятников.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ТРИПОЛЬСКОЙ АНТРОПОМОРФНОЙ ПЛАСТИКИ

Т. Г. МОВША

1. Глиняные антропоморфные статуэтки являются массовым видом находок на поселениях трипольской культуры и представляют весьма ценный материал для изучения идеологии трипольцев.

2. Исследователи триполья, в основном, ограничивались описанием форм, стиля и орнамента антропоморфных статуэток, в самых общих чертах определяя их как отражение культа матриархального божества. В последнее время советскими археологами вновь поднят вопрос о назначении женских скульптурных изображений.

3. Развитие антропоморфной пластики шло параллельно развитию керамики. Как и керамика, антропоморфная пластика отражает локальные особенности памятников племен трипольской культуры.

4. Антропоморфные статуэтки являются важным датирующим материалом.

5. Классификация антропоморфных статуэток из трипольских поселений Поднепровья, Побужья, Подniestровья дала возможность разделить их на две группы: а) сильно схематизированные и б) реалистические, а также проследить процесс их развития и изменения, начиная с раннего этапа трипольской культуры.

6. Для раннетрипольских поселений характерны сильно схематизированные женские сидячие или полусидячие статуэтки с отклоненным назад туловищем, с коническим, довольно высоким выступом на месте головы и конусовидными выступами на местах рук. Верхняя часть туловища чаще плоская, нижняя — массивная, с подчеркнутыми стеатопегическими чертами. Ноги слитные, часто расчленены неглубокой линией и конически суживаются к неотмеченной ступне. Поверхность большинства статуэток украшена углубленным геометрическим орнаментом, заполненным иногда белой пастой. Меньшая часть статуэток не орнаментирована. Среди последних имеются статуэтки, сидящие на стульчиках. Изредка встречаются мужские статуэтки с гипертрофированными признаками пола, а также статуэтки с сильно стилизованными чертами лица. В керамической массе части раннетрипольских статуэток содержится искусственная примесь зерен хлебных злаков.

Для раннего триполья характерны антропоморфные сосуды и антропоморфные изображения, являющиеся деталями сосудов (ручки ковшей, черпаков).

7. В начале среднего этапа развития трипольской культуры (в памятниках типа Кадиевцы) продолжают существовать генетически связанные со статуэтками раннего триполья сильно схематизированные женские статуэтки, покрытые углубленным орнаментом.

В это время получают широкое развитие неорнаментированные, чаще стоячие, женские статуэтки с плоской головой, щипковым носом и глазами, обозначенными проколами, а также слитными, конически суживающимися ногами. В целом статуэтки последней группы отличаются большой стройностью и утонченностью форм.

8. На поселениях следующего этапа (типа Владимировки) статуэтки, сплошь украшенные углубленным орнаментом, исчезают и встречаются только в виде пережитка. На смену им появляются женские статуэтки с реалистическими чертами иногда татуированного лица. Все они изображены в сидячем положении, с прической, часто с моделированными руками, вытянутыми вперед или сложенными под грудью. Изредка встречаются изображения женщины с ребенком на руках. Мужские реалистические статуэтки — также сидячие с разделенными ногами.

Наряду с этими статуэтками на поселениях этого типа продолжают существовать и сильно схематизированные стоячие женские и мужские статуэтки с щипковым носом и слитными ногами. Поверхность их расписана краской или покрыта облицовкой. На мужских статуэтках, в отличие от женских, передается только левый глаз и перевязь через правое плечо; часто в центре головы имеется отверстие.

9. Одновременно с указанными выше статуэтками получают развитие массивные женские статуэтки, нижняя часть туловища которых имеет сплошную основу цилиндрической формы. Головы таких статуэток округлы или овальны, нос щипковый, часто обозначена прическа. Подобные статуэтки продолжают существовать и на поселениях позднего триполья. В то же время появляются весьма редкие в трипольской культуре полые статуэтки, встречающиеся также и на позднетрипольских поселениях.

10. Для среднего этапа развития трипольской культуры и для начала позднего, отмечено существование статуэток-«гигантов» с разделенными моделюрованными ногами.

11. В позднем триполье преобладают стоячие сильно схематизированные женские статуэтки с плоской головой и щипковым носом.

На статуэтках из поселений типа Городска с обеих сторон головы или с одной ее стороны имеется ряд небольших отверстий. Реже несколько отверстий украшают края плечевых выступов. Ноги слитные, но в отличие от статуэток предшествующего этапа, чаще моделированы каждая в отдельности. Эти статуэтки постоянно встречаются с пряслицами, украшенными орнаментом из мелких углублений. Сильно схематизированные статуэтки позднего триполья сопровождаются реалистически выполненными сидячими статуэтками (в основном женскими, изредка мужскими).

12. Особый тип антропоморфных статуэток (частично) среднего и позднего этапов трипольской культуры образуют встречающиеся весьма редко статуэтки с признаками гермафродитизма.

13. В поздний этап трипольской культуры появляются женские статуэтки, украшенные веревочным орнаментом. В керамике этого этапа встречаются ручки сосудов в виде сильно стилизованных женских изображений с изогнутым туловищем и обозначенной двумя выпуклостями грудью. Часто плечики сосудов украшены парными конусовидными налепами, являющимисяrudиментами женских статуэток.

14. В степных позднетрипольских курганных могильниках и на поселении в Усатово встречены только сильно схематизированные женские статуэтки, среди которых имеются статуэтки с четырехгранными основаниями. На одновременных им поселениях Киево-Волынского Полесья найдены и сильно схематизированные и реалистические статуэтки. В родовых бескурганных могильниках левого берега Днепра статуэток нет, хотя на поселениях софиевского типа антропоморфные статуэтки являются постоянными находками.

15. Раскопками жилищ на поселении Коломийщина I установлено местоположение части трипольских антропоморфных статуэток. Как и на модели жилища из Попудни, в некоторых жилищах Коломийщины I в большинстве случаев целые статуэтки располагались около конусовидных возвышений у печей. Постоянное хранение кальцинированных костей животных внутри жилищ, рядом с печью, свидетельствует о том, что статуэтки находились здесь не потому, что ими пользовались короткое время при совершении культовых обрядов с обязательным участием огня, после чего они предавались забвению и уничтожению, а потому, что их помещали возле печи преднамеренно, так как место у очага было священным, а эти женские статуэтки были связаны с культом матери — родонаучальницы, охранительницы домашнего очага.

КУРГАНЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА р. МОЛОЧНОЙ

А. И. ТЕРЕНОЖКИН

1. Раскопки курганов, произведенные археологической экспедицией Института археологии АН УССР в 1951 г. на строительстве Молочанского водохранилища, дали большое количество захоронений бронзовой эпохи.

2. Основную массу их составляют могилы древнеямной и катакомбной культур и могилы времени поздней бронзы, выделяемые нами условно в «киммерийскую» группу.

3. Наиболее ранние курганы относятся ко времени древнеямной культуры, носители которой соорудили здесь все наиболее заметные на местности курганы и курганные группы.

4. Возможно, что долина р. Молочной являлась одним из центров сложения и развития древнеямной культуры.

5. Могилы древнеямного времени характеризуются небольшим количеством признаков погребального обряда, отличающихся в общем большой устойчивостью.

6. В частности, около с. Ново-Филипповка и Терпение постоянным является покрытие основной могилы в курганах древнеямного времени песчаниковыми плитами, доставленными с Каменной Могилы. Открытие в одном из курганов у с. Ново-Филипповка антропоморфной стелы из песчаника еще раз подтверждает, что подобного рода каменные изваяния Северного Причерноморья связаны с древнеямной, а не с «киммерийской» порой.

7. Позднее, в течение бронзовой эпохи курганы в долине р. Молочной сооружались очень редко. Захоронения производились преимущественно в насыпях более ранних древнеямных курганов.

8. Погребальные сооружения и обряд в катакомбное время значительно богаче и разнообразнее, чем в древнеямное, в погребениях находится большое количество вещей.

9. Материалы экспедиции дали убедительные данные, подтверждающие правильность выводов О. А. Кривцовой-Граковой о происхождении катакомбной культуры от древнеямной.

10. Найдка каменного полированного топора типа Бородинского клада в одной из могил катакомбного времени могла бы служить указанием на длительность развития катакомбной культуры на р. Молочной (вплоть до начала второй половины II тысячелетия до н. э.).

11. Для курганов на р. Молочной характерно отсутствие погребений с инвентарями раннесрубного времени.

12. Многочисленные захоронения времени поздней бронзы «киммерийского» типа — трудны для анализа, так как отличаются крайне ограниченным количеством сопровождающих вещей (одиночные сосуды).

СОДЕРЖАНИЕ

И. Г. Шовкопляс, VI научная конференция Института археологии Академии наук УССР	3
Тезисы докладов, прочитанных на секционных заседаниях	
Секция славянской археологии	
Е. В. Махно, Корчеватовские памятники в Среднем Поднепровье . . . . . М. А. Тиханова, Археологические памятники Среднего Поднестровья в первой половине I тысячелетия н. э. . . . . Э. А. Сымонович, Раннеславянские поселения у с. Грушевка и Кут, Apostоловского р-на, Днепропетровской области . . . . . А. Т. Брайчевская, К вопросу о ремесле культуры полей погребений . . . . . М. Ю. Брайчевский, В. И. Довженок, Древнеславянское святилище в с. Иванковцы на Поднестровье . . . . . Д. Т. Березовец, Археологические памятники летописных северян . . . . . М. Ю. Брайчевский, Пастирское городище в связи с проблемой восточнославянских племен . . . . . Д. И. Блифельд, Славянские памятники Черниговщины по исследованиям последних лет . . . . . А. А. Ратич, Итоги археологических исследований древнерусских памятников IX—XIII вв. на территории Галицкой и Волынской земель . . . . . Т. М. Минаева, Археологические исследования Черкессии	14 15 20 21 23 25 27 29 31 34
Секция скифо- античной археологии	
Е. Ф. Покровская, К вопросу о сложении культуры раннего железа в лесостепном правобережном Поднепровье (бассейн р. Тясмин) . . . . . В. А. Ильинская, К вопросу о развитии общественных отношений в Скифии . . . . . И. Г. Шовкопляс, Курганный могильник предскифского времени на среднем Днестре . . . . . В. И. Каравеев, Памятники лужицкой культуры на территории западных областей Украины . . . . . Ф. М. Штительман, Поселения скифского времени на побережье Бугского лимана . . . . . Т. Н. Княпович, Население Ольвии додегтского периода по данным эпиграфических источников . . . . . А. И. Фурманская, К вопросу о литейном ремесле Ольвии . . . . . Л. Д. Дмитров, Итоги Измаильской археологической экспедиции Института археологии АН УССР за 1947—1950 гг. и перспективы ее дальнейших работ . . . . . А. В. Добровольский, Золотобалковское поселение . . . . . М. И. Вязьмина, Изучение сарматских племен степной Украины . . . . . Е. В. Махно, Сарматский могильник у с. Усть-Каменка . . . . . В. Д. Блаватский, Непосредственный производитель материальных благ в сельском хозяйстве северопонтийских государств	36 38 41 44 46 48 52 54 56 58 61 62
Секция первобытной археологии	
П. И. Борисовский, Исследование памятников каменного века в бассейне р. Миус (Приазовье) в 1949 и 1950 гг. . . . . И. Г. Пидопличко, Амвросьевская палеолитическая стоянка и ее особенности . . . . . М. Я. Рудинский, Каменная Могила . . . . . А. Д. Столяр, Опыт историко-культурного анализа Мариупольского могильника . . . . . А. В. Добровольский, Чаплинский могильник . . . . . Е. Ф. Лагодовская, Трипольское поселение в с. Сандраки, Винницкой области, и некоторые вопросы позднего триполья . . . . . Ю. Н. Захарук, Проблема позднего триполья в Среднем Поднепровье по материалам исследований последних лет . . . . . В. Н. Даниленко, К вопросу о месте киево-трипольской культуры в этногенетическом процессе . . . . . С. Н. Бибиков, К вопросу о ритуальных погребениях в трипольских жилищах . . . . . Т. Г. Мовша, К вопросу о развитии трипольской антропоморфной пластики . . . . . А. И. Тереножкин, Курганы бронзового века из р. Молочной	63 65 69 72 74 76 78 81 84 85

